ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ

ЛИТЕРАТУРЫ.

ТРИДЦАТЬ-ПЕРВЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 10-я.

ОКТЯБРЬ, 1896.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Библіотека Черкесова

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 лин., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 10-я. — ОКТЯБРЬ, 1896.

Стр.

I.—МѢСЯЦЪ ВЪ СИЦИЛІИ.—Очерки.—**М. М. Ковалевскаго** 425

II.—НА ОЗЕРѢ ПРОКАЖЕННЫХЪ. — Очеркъ изъ жизни далекой полярной окраины.—IV-VIII.—Окончаніе —**А. К.** 483

III.—ПО ДЕРЕВНЯМЪ. — Изъ замѣтокъ „эпидемическаго врача".—I-VIII.—**В. І. Дмитріевой** 520

IV.—ОПЫТЪ ГОРОДСКОГО ПОПЕЧЕНІЯ О БѢДНЫХЪ.—I-VII.—**В. И. Герье** . 566

V.—АНДРЕЙ МОЛОГИНЪ.—Повѣсть.—Часть первая. — I-IX. — **К. Ѳ. Головина.** 586

VI.—ВОПРОСЪ О ЗАПАДНОМЪ ВЛІЯНІИ ВЪ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.—**А. Н. Пыпина** 660

VII.—МЕЧТАТЕЛЬ. — „An imaginative man", by John Hichens. — VII-XIV. — Съ англійскаго.—Окончаніе.—**А. Б—г—** 700

VIII.—О „ВЕЛИКОЙ ЛЖИ" НАШЕГО ВРЕМЕНИ.—L. 768

IX.—ИЗЪ БУШОРА.—Faust moderne.—Перев. **Л. Евреинова.** 791

X.—ХРОНИКА. — ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Новая губернія.—Проектъ уголовнаго уложенія и брачное законодательство. — „Заблужденіе" землевладѣльцевъ и его виновники.—Винокуреніе, какъ привилегія.—Сельскіе рабочіе и сельскіе хозяева. — Нижегородскій торгово-промышленный съѣздъ и съѣзды вообще. — Воинская повинность и льготы по образованію. — Н. А. Неклюдовъ † 792

XI.—НАРОДНАЯ ШКОЛА ВЪ БЕРЛИНѢ.—**Г. Б.** 817

XII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Путешествіе Ихъ Величествъ.—Новая „конституція" Кандіи и разрѣшеніе критскаго вопроса.—Судьба турецкихъ армянъ. — Западно-европейская дипломатія въ Константинополѣ и ея сомнительные успѣхи.—Общественное мнѣніе въ Англіи и рѣчи Гладстона.—Британская внѣшняя политика 832

XIII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Внѣшкольное образованіе народа, В. П. Вахтерова.—Экономическая оцѣнка народнаго образованія, И. И. Янжула, А. Чупрова и Е. Н. Янжулъ. — Лабиринтъ міра и рай сердца, А. Коменскаго, съ чешскаго яз. перев. Ѳ. Ржича. — Якуты, В. Л. Сѣрошевскаго.—Т.—Новыя книги и брошюры. 845

XIV.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—André Maurel, Les trois Dumas. Par. 1896.—**З. В.** 864

XV.—ОТЪ РЕДАКЦІИ.—По поводу „дополнительнаго" опроверженія директора народныхъ училищъ, В. Латышева. 870

XVI.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Общество врачей восточной Сибири въ Иркутскѣ и „Сибирскій Вѣстникъ". — Однородные случаи въ подольской губерніи и на Кавказѣ.—Судебныя ошибки и смертная казнь.—Впечатлѣнія присяжнаго засѣдателя. —„Калужскій Вѣстникъ".—Письмо въ Редакцію изъ Фридрихсгама 873

XVII.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Изъ жизни народныхъ училищъ, В. Раевскаго.—Внѣшкольное образованіе народа, В. П. Вахтерова.—Больной цѣлитель, С. С. Глаголева.—Магометъ, его жизнь и религіозное ученіе, Влад. Соловьева.—Энциклопедическій Словарь, Ф. Брокгауза и И. Ефрона.

XVIII.—ОБЪЯВЛЕНІЯ—I-XVI стр.

Подписка на годъ, полугодіе и первую четверть года въ 1897 г.
(См. подробнѣе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки.)

ПО ДЕРЕВНЯМЪ

Изъ замѣтокъ „эпидемическаго“ врача.

I.

„Предъявитель сего, эпидемическій врачъ NN, имѣетъ право на взиманіе трехъ лошадей для разъѣздовъ по дѣламъ службы, что X. земская управа удостовѣряетъ“, и т. д., т. д.

— Можете получить! — сказалъ секретарь земской управы, вручая мнѣ вышеизложенную бумагу.—И пожалуйста поспѣшите, потому что мухояровскій земскій врачъ забомбардировалъ насъ просьбами. Должно быть, сильно тамъ...

Съ бумагой въ рукахъ я вышла изъ управы на пустынную площадь городка. Видъ былъ скучный, зимній, непривѣтливый; вся площадь была забаррикадирована сугробами, среди которыхъ кое-гдѣ, для надобностей обывателей, были протоптаны узенькія тропинки; дома имѣли нахмуренный, недовольный видъ.

И повсюду мертвая тишина и безлюдье; отчаянная скука висѣла надъ городомъ, и только черныя фигуры монаховъ безшумно скользили тамъ и сямъ по тропинкамъ, придавая впрочемъ еще болѣе траурный оттѣнокъ окутанному въ бѣлый саванъ городу.

Столкнувшись съ однимъ изъ монаховъ на тропинкѣ, я спросила его, какъ мнѣ найти земскую станцію. Монахъ, повидимому, обрадовался случаю поговорить и съ большимъ оживленіемъ, весьма обстоятельно и долго объяснялъ мнѣ дорогу. Поблагодаривъ его, я торопливо пошла по указанному направленію. Мнѣ хотѣлось какъ можно скорѣе уѣхать изъ этого мертваго города

къ мѣсту своего назначенія, въ село Мухоярово, куда я была приглашена на помощь земскому врачу въ борьбѣ съ дифтеритомъ. Насколько была сильна эпидемія, никто хорошенько не зналъ здѣсь, въ городѣ, но, судя по тревожнымъ сообщеніямъ мухояровскаго врача, нужно было предполагать, что работы предстоитъ порядочно. И раздумывая обо всемъ этомъ, я испытывала сложное чувство,—вѣроятно, хорошо знакомое всѣмъ, кому случалось ѣздить на эпидеміи. Было какъ-то и жутко, и нетерпѣніе разбирало какъ можно скорѣе очутиться на мѣстѣ и собственными глазами удостовѣриться въ размѣрахъ бѣдствія, и въ то же время ощущался какой-то подъемъ духа, приливъ силъ, являлась необычайная жажда дѣятельности... Казалось, что все для тебя возможно; что стоитъ только тебѣ взяться за дѣло, и эпидемія прекратится... а тамъ, гдѣ-то въ глубинѣ души, сидитъ и гложетъ скверная мысль: „а ну, какъ и самъ останешься на мѣстѣ"?... Нѣчто подобное, я думаю, испытываютъ люди, идущіе въ бой, и мнѣ кажется, къ этому чувству нельзя привыкнуть. Послѣ, въ самомъ разгарѣ дѣла, оно притупляется, — некогда копаться въ себѣ, но передъ тѣмъ, хочешь не хочешь, а непремѣнно чувствуешь себя взвинченнымъ...

Земская станція оказалась въ довольно грязномъ и ветхомъ двухъ-этажномъ домѣ, въ нижнемъ этажѣ котораго былъ трактиръ и постоялый дворъ. Грязный дворъ былъ весь заставленъ санями, лошадьми, бочками, ящиками. По скрипучей лѣсенкѣ я поднялась въ верхній этажъ, прошла дребезжащую подъ ногами галерейку, черезъ которую тянулись веревки, увѣшанныя разнымъ тряпьемъ, и отворила дверь въ большую комнату, разгороженную красной ситцевой занавѣской пополамъ. Убранство комнаты было обычное для уѣздныхъ станцій: клеенчатый диванъ въ стилѣ двадцатыхъ годовъ, неопрятная постель, большой сосновый столъ, покрытый клеенкой, топорные стулья, на стѣнахъ почтовыя правила, образа и неизбѣжные слѣды отъ клоповъ. Въ комнатѣ никого не было, такъ что я должна была покашлять и постучать ногами; тогда изъ-за занавѣски появился молодой человѣкъ, вытирая на ходу масляныя губы рукой и что-то прожевывая.

— Лошадей мнѣ,—сказала я, подавая ему бумагу.

Молодой человѣкъ съ нѣкоторымъ испугомъ поглядѣлъ на меня, потомъ на бумагу, осмотрѣлъ ее со всѣхъ сторонъ, перевернулъ наизнанку и вздохнулъ:—О, Господи!

— Вамъ когда же надо?

— Сейчасъ.

— О, Господи!.. Тройку?

— Вѣдь вы прочли тамъ!

— Такъ-съ... Извольте росписаться.

Я росписалась и, выходя, слышала: „Ни днемъ, ни ночью, ни днемъ, ни ночью,—пожрать тебѣ не дадутъ,—о, Господи"!..

Недалеко отъ земской станціи, я увидѣла кучку народа, собравшуюся вокругъ мужицкихъ саней, запряженныхъ тощею лошаденкой. Мнѣ захотѣлось посмотрѣть, что̀ заинтересовало обывателей этого мертваго города, и я подошла ближе.

— Что̀ это здѣсь такое?

— Да, вотъ, мужикъ волка́ убилъ.

На саняхъ лежалъ огромный, красивый волкъ, вытянувъ застывшія лапы и оскаливъ великолѣпные бѣлые клыки. Его полуоткрытые мертвые глаза укоризненно смотрѣли на толпу; на пушистой мордѣ запеклась кровь. Мнѣ почему-то вспомнился Щедринскій волкъ... Лошаденка пугливо подрагивала ушами; около нея терпѣливо похаживалъ рваный мужиченко—герой событія.

— Чѣмъ же ты его убилъ?

— А коломъ!

— Въ земство повезешь?

— Въ земство. Баютъ, деньги за него даютъ.

Публика, налюбовавшись на мертваго красавца-хищника, стала расходиться. Пошла и я къ себѣ въ гостинницу, собираться въ дорогу.

Менѣе чѣмъ черезъ часъ я уже выѣзжала изъ города на тройкѣ довольно приличныхъ лошадей, въ огромныхъ саняхъ, заваленныхъ соломой. Когда мы отъѣхали отъ гостинницы, земскій староста, все время бѣжавшій около саней и дѣлавшій разныя наставленія ямщику, вдругъ сдѣлалъ умильную физіономію и, нагнувшись ко мнѣ, таинственно проговорилъ:

— А что, сударыня, позволите женщину съ собой посадить?

— Какую женщину?

— Да, тутъ одна...—замявшись, сказалъ староста.—По этапу она пересылается... на родину... Ужъ позвольте, сударыня!.. Лишней подводы-то нѣту, разгонъ большой,—загоняли совсѣмъ, а тутъ она, шкура, навязалась... Ужъ сдѣлайте ваше одолженіе! Разгонъ!.. А она тутъ гдѣ-нибудь на тычочкѣ сядетъ. Вы не извольте безпокоиться... она на тычочкѣ!..

Я согласилась. Староста крикнулъ что-то ямщику, а самъ побѣжалъ на станцію. Ямщикъ во весь духъ погналъ лошадей, и мы, гремя колокольцами, сломя голову понеслись по тихимъ городскимъ улицамъ. Но когда послѣднія строенія остались за

нами и впереди забѣлѣла снѣжная пустыня, ямщикъ остановилъ лошадей и оглянулся.

— Ну, чего же они тамъ копаются? Жди ихъ! — ворчалъ онъ.

Черезъ нѣсколько минутъ къ санямъ подбѣжалъ запыхавшійся староста, таща за собою какую-то жалкую фигуру, въ рваномъ лѣтнемъ „дипломатѣ", съ остатками какихъ-то модныхъ украшеній, въ ситцевомъ грязномъ платкѣ и стоптанныхъ полусапожкахъ, одѣтыхъ чуть не на босую ногу. Дрожа отъ холода, она силилась засунуть красныя, озябшія руки въ короткіе рукава „дипломата", и ея молодое, но изможденное лицо носило смѣшанное выраженіе тупой покорности и привычнаго страданія. Это и была—„шкура"...

— Ну, вотъ... иди, садись!—строго сказалъ староста, подталкивая ее локтемъ.—Вотъ, на краешекъ, на чемоданъ-то садись, да смотри, барыню у меня не безпокой. Эхъ, лохудра!.. Ну, сѣла, что-ль?

— Ничего...—хриплымъ шопотомъ отвѣчала несчастная, скорчившись на краешкѣ моего чемодана и снова запихивая руки въ рукава.

— Ну и ладно. Трогай, Сидоръ! Счастливо оставаться, сударыня, покорно васъ благодаримъ... Смотри, Сидоръ, чтобы все какъ слѣдуетъ!..

Сидоръ присвистнулъ, взмахнулъ кнутомъ, и мы понеслись по гладкой, широкой, уѣзжанной дорогѣ. Скоро покинутый нами городъ слился въ какую-то сплошную снѣжную кучу, и вокругъ насъ развернулась сверкающая снѣжная равнина. Въ городѣ казалось тепло и тихо, но здѣсь насъ сразу охватило рѣзкимъ холодкомъ открытаго поля. Язвительный вѣтерокъ пощипывалъ носъ и щеки, забирался подъ воротникъ, въ рукава; снѣжная пыль иголками стрекала лицо. Спутница моя вся съёжилась, и зубы ея выбивали мелкую дробь. Я обратилась къ ней:

— Холодно вамъ?

— Не... ничово...

— Вотъ, возьмите у меня плэдъ, окутайтесь.

— Нѣтъ... не надо.

— Какъ не надо? Замерзнете... Возьмите! Да садитесь поближе ко мнѣ, теплѣе будетъ.

— Не-на-до...—еле вымолвила бѣдняга.

Ямщикъ, замѣтивъ нашу возню, пріостановилъ лошадей и обернулся къ намъ.

— Чего она? Ты чего? Холодно, что-ль?

— Ноги... вотъ...

— Ну, такъ чего-жъ ты ломаешься? Бери, что барыня-то даетъ, да въ солому хорошенько ноги-то зарой. Слышишь, что-ль?

Его окрикъ подѣйствовалъ на мою спутницу убѣдительнѣе, чѣмъ просьба. Она взяла плэдъ и окоченѣвшими руками стала натягивать его себѣ на плечи. Но руки плохо слушались ее; Сидоръ глядѣлъ-глядѣлъ, слѣзъ съ козелъ и принялся укутывать бѣднягу. Общими силами мы укрыли ее, подтыкали со всѣхъ сторонъ, и сверху Сидоръ еще набросилъ свой зипунъ, лежавшій у него подъ сидѣньемъ.

— Ну, вотъ, теперь ладно будетъ!—одобрилъ онъ.—Теперь не околѣешь, а то еще... отвѣчай за тебя! Эхъ ты, босая команда!—съ презрительнымъ сожалѣніемъ добавилъ онъ.

— Ты откуда?—спросила я свою спутницу.

— Я... здѣшняя... Въ Ростовѣ жила...—неохотно сказала она.

— На мѣстѣ?

— Да... нѣтъ...—неопредѣленно отвѣчала спутница. Потомъ, помолчавъ, быстро проговорила:—Безпаспортная я,—и угрюмо отвернулась въ сторону.

Я больше не стала ее разспрашивать, да и о чемъ? Вся грустная повѣсть ея и безъ вопросовъ была ясна... Нужда, безхлѣбье погнали ее изъ родной деревни въ городъ искать счастья; тамъ мыканье по мѣстамъ, городскіе соблазны, какой-нибудь лабазный Донъ Жуанъ, паденіе и обманъ; потомъ улица и трактиръ, сивуха и ночлежный домъ, и т. д., и т. д., вплоть до полицейскаго участка и этапа... И вотъ теперь она, въ своихъ городскихъ лохмотьяхъ, съ разъѣденною всякими нечистями душой, больная, опустившаяся, излѣнившаяся, возвращается „домой", гдѣ о ней, можетъ быть, мать или отецъ давно уже отслужили панихидку, и, дрожа отъ внутренняго и внѣшняго холода, съ ужасомъ всматривается въ унылую мутную даль, не предвѣщающую ей въ будущемъ ничего хорошаго...

А мы мчались все впередъ и впередъ. Вотъ въ сторонѣ вырисовался смутный силуэтъ церкви, зачернѣли вѣтряки, молоденькій лѣсокъ черною каймою опоясалъ засыпанный снѣгомъ оврагъ. Спутница моя вдругъ вздрогнула, завозилась и стала всматриваться въ плывшее мимо насъ село.

— Этъ наше... вона...—пробормотала она съ видимымъ волненіемъ.—И церква наша...

— Аль узнала?—сказалъ Сидоръ, оборачиваясь къ ней.

Она молчала и затуманившимися глазами долго смотрѣла на родное село.

II.

Уже смерклось, когда Сидоръ сказалъ: — А вонъ и Мухоярово! — Въ мутно-бѣломъ сумракѣ зимняго вечера что-то зачернѣлось; нырнулъ огонекъ, другой, третій... запахло дымомъ и навозомъ.

— Васъ куда прикажете доставить, — въ больницу прямо, аль на станцію?—спросилъ Сидоръ.—А то ежели въ больницу, такъ вотъ она! — прибавилъ онъ, указывая на рядъ огоньковъ, мерцавшихъ сквозь обнаженныя вѣтви деревьевъ.

Мнѣ казалось неловкимъ сразу, со всѣми своими пожитками, нагрянуть къ доктору, и я велѣла ѣхать на станцію. Сидоръ свистнулъ, и мы во всю прыть, съ громомъ, звономъ, понеслись по селу, и какъ бѣшеные ворвались во дворъ почтовой станціи, освѣщенный фонаремъ, съ двумя полосатыми столбами у воротъ.

На крыльцо вышелъ староста.

— А, Сидоръ! Кого это привезъ?

— Докторицу изъ города.

— А это еще кто съ ней?

— А это такъ... шлюха. По этапу...

Староста спустился съ крыльца и вѣжливо пригласилъ меня въ „проѣзжающую“ комнату. Потомъ грубо прикрикнулъ на мою спутницу и приказалъ ей идти въ ямщицкую. Она съ тѣмъ же покорнымъ видомъ убиваемаго животнаго вылѣзла изъ саней и исчезла въ темныхъ сѣняхъ, а я прошла въ „проѣзжающую“.

„Проѣзжающая“ представляла изъ себя просторную, довольно опрятную комнату, съ деревянными диванами, картинами изъ русско-турецкой войны, геранями и даже занавѣсками на окнахъ. Натоплено было страшно; отъ печки такъ и несло, что съ морозу показалось очень пріятно, но черезъ нѣсколько минутъ стало тяжело и душно. Между тѣмъ староста внесъ мои пожитки и пошелъ за самоваромъ. Это былъ высокій, красивый мужикъ съ кудрявыми волосами, въ которыхъ уже пробивалась густая сѣдина, но съ подозрительно-красными глазами и носомъ. Внеся самоваръ, поставивъ его на столъ, онъ счелъ своимъ долгомъ меня занимать и, усѣвшись въ углу на сундукѣ, началъ разговоръ:

— А докторъ нашъ только-только передъ вами пріѣхалъ. Шибко у насъ гоняютъ, совсѣмъ отдыху нѣту. Вотъ вы теперь еще будете ѣздить. Рано завтра поѣдете?

— Я еще не знаю, куда ѣхать. Пораньше, конечно.

— Ну, вотъ! А лошадей нѣтъ. Четырнадцать троекъ, и всѣ въ разгонѣ.

— Кто же ѣздитъ?

— Да кто? И земскій, и докторъ, и становой, почта опять, теперь вы, фельдшера ѣздятъ, акушерку возимъ... Разгонъ „агроматный"!

— Лошадей надо больше держать, если разгонъ большой!

— Такъ-то оно такъ, да хозяинъ у насъ молодой,—не наладитъ никакъ. Самъ-то померъ, вотъ и пошли непорядки. А ты въ отвѣтѣ!

Изъ дальнѣйшаго разговора выяснилось, что и земскую, и почтовую гоньбу содержалъ прежде членъ земской управы, но на Рождество онъ померъ, и теперь хозяйничаетъ его сынъ, очевидно—тотъ молодой человѣкъ, котораго я видѣла на городской станціи.

— И вѣдь скорёхонько какъ убрался, покойникъ!—продолжалъ староста.—Въ три дня кончился! А здоровый былъ, мужественный эдакій...

— Отчего же онъ померъ такъ быстро?

— Да отчего... все отъ водочки!.. — съ сокрушеніемъ произнесъ староста.—Все она, такая-сякая, виновата... Пилъ шибко покойникъ, да и ночуй на дворѣ, а морозъ-то былъ сорокъ градусовъ! Ну, охватило его, воспаленіе легкаго что-ли тамъ сдѣлалось—и крышка!...

Я предложила ему чаю, и за самоваромъ наша бесѣда приняла болѣе интимный характеръ. Староста жаловался на судьбу и вкратцѣ разсказалъ мнѣ свою біографію. Оказалось, что онъ изъ духовнаго званія, одинъ братъ у него священствовалъ, другой служилъ въ губернскомъ городѣ, въ какой-то палатѣ, а вотъ ему не повезло — въ училищѣ не кончилъ, занялся хлѣбопашествомъ, но прогорѣлъ, пустился въ торговлю, и тоже прогорѣлъ, а вотъ теперь, на старости лѣтъ, долженъ служить по наймамъ.

— Отчего же это вамъ такія неудачи? — спросила я.

— Да такъ... ужъ, видно, участь такая...—цѣломудренно потупляя глаза, отвѣчалъ староста и, подумавъ, съ рѣшимостью прибавилъ:—все она... все водочка!

— Такъ зачѣмъ же вы пьете? Бросили бы!

— Бросилъ!—съ энергіей заявилъ староста.—Теперь, слава Богу, бросилъ! Теперь ее, проклятую, мнѣ и нà духъ не надо. Вѣдь эдакая скверность завелась на бѣломъ свѣтѣ, Боже ты мой! И зачѣмъ? Какая въ ней сладость?

Я перевела разговоръ на другой предметъ, и спросила его

о докторѣ. Староста разсказалъ мнѣ, что докторъ служитъ у нихъ недавно и совсѣмъ еще молоденькій, жена у него тоже молодая, что хлопотунъ онъ большой, но дѣло свое знаетъ хорошо.

— Только вотъ чудёнъ!.. — прибавилъ староста, ухмыляясь.

— Чѣмъ чудёнъ?

— Да вотъ... не любитъ, кто водку пьетъ. Страсть этого не уважаетъ!

— Что же, это хорошо.

— Конечно, хорошо... Ну, только обижаются очинно.

— Кто обижается?

— Да всякіе народы... Намедни нашъ кабатчикъ говоритъ: „Ужъ я,—говоритъ,—этого доктора пришью! Нешто можно это народъ сомущать? За это что̀ бываетъ-то“?..—Обижаются дюже!

— А докторъ что̀ же?

— А онъ все свое, не унимается. Какъ увидитъ пьянаго, такъ и затопочетъ... Чудной! Теперь выдумалъ въ училищѣ книжки читать, и все больше насчетъ водки, какая кому вреда отъ нея бываетъ. Печенки что-ли тамъ отъ нея горятъ... ужъ не знаю... Страсть суетной, Богъ съ нимъ, а ничего, хорошій!

Видя, что всѣ наши разговоры роковымъ образомъ сводятся къ водкѣ, я замолчала и ни о чемъ больше не разспрашивала. Да и самоваръ подходилъ къ концу. Послѣ чая я одѣлась и въ сопровожденіи мальчика пошла къ доктору.

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда мы вышли на улицу. Въ избахъ свѣтились огни; собаки лѣниво побрехивали во дворахъ. Улица была широкая; избы въ сумракѣ казались мнѣ большими и красивыми. Построены онѣ были изъ кирпича, оконъ въ пять и болѣе; сѣни безъ крылецъ дѣлили ихъ на двѣ половины; по стѣнамъ красовались намазанные синей и бѣлой краской грубые узоры. Я уже много видѣла такихъ избъ по дорогѣ въ Мухоярово; очевидно, это былъ общій типъ построекъ въ безлѣсномъ Х. уѣздѣ, но хотя избы были просторныя и красивыя снаружи, но темныя пятна сырости, кое-гдѣ подернутыя плесенью, портили ихъ видъ и заставляли догадываться, какъ неуютно было внутри.

— Большое у васъ село?—спросила я своего спутника.

— „Агроматное“!—съ удовольствіемъ отвѣчалъ онъ.—Верстъ на пять, пожалуй, будетъ. Вотъ поѣдемъ завтра, увидите!

Мы свернули влѣво и вдругъ очутились не то въ рощѣ, не то въ саду. Высокія деревья глухо шумѣли; направо и налѣво смутно мелькали огоньки.

— Это вотъ наша расправа, а тамъ вонъ и больница!—сказалъ провожатый.

Мы отворили маленькую калитку и очутились на большомъ дворѣ, по обѣ стороны котораго чернѣли постройки. На встрѣчу намъ съ лаемъ бросилась большая, лохматая собака, но, увидѣвъ моего провожатаго, перестала лаять и ласково завиляла хвостомъ.

— Дружокъ, Дружокъ! Ахъ ты, подлый! Сюда пожалуйте, на крылечко! Въ маленькой передней топилась печка; передъ огонькомъ, на низенькой скамеечкѣ, сидѣла старуха и вязала чулокъ.

— Вамъ кого? — спросила она, поднимая на лобъ очки и почесывая спицей за ухомъ.

Я начала объяснять ей, кто я, но не успѣла кончить своихъ объясненій, какъ изъ сосѣдней комнаты послышались восклицанія, и въ переднюю выбѣжалъ самъ докторъ.

— Вы эпидемическій врачъ? Слава Богу, слава Богу... А я ужъ думалъ, не пришлютъ... Шура, эпидемическій врачъ пріѣхалъ!.. А гдѣ же ваши вещи? Да раздѣвайтесь скорѣе, пойдемте чай пить... Какъ? Вы на станціи остановились? Да зачѣмъ же? Нянька, гдѣ Дмитрій? Послать скорѣе его на станцію, за вещами!

Вышла и докторша; поднялась суета, бѣготня, и черезъ нѣсколько минутъ мои вещи были уже перевезены со станціи, а я сидѣла въ уютной столовой и пила чай съ своими радушными хозяевами. Докторъ, дѣйствительно, оказался молоденькій, маленькій и „суетной". Онъ былъ необычайно подвиженъ, вѣчно куда-то спѣшилъ, суетился и спокойно не могъ посидѣть на мѣстѣ. Докторша, тоже молоденькая и красивая особа, была ему подъ пару, и они даже говорили иногда вмѣстѣ, перебивая другъ друга, торопясь и волнуясь. „Подожди, Шура, не трещи, дай мнѣ сказать!" — „Ахъ, Коля, постой, лучше я это разскажу!" —И оба они въ это время были такіе славные и смѣшные, что на нихъ пріятно было смотрѣть.

Изъ разсказовъ доктора я узнала, что дифтеритъ свилъ себѣ гнѣздо въ селѣ Яругинѣ, что заболѣванія начались съ Рождества, и что форма болѣзни имѣетъ въ высшей степени злокачественный характеръ. До сихъ поръ изъ 34 заболѣвшихъ умерло уже 22, а въ одной семьѣ изъ 10 человѣкъ дѣтей осталось только 3. Это послѣднее обстоятельство особенно его перепугало, и онъ далъ знать въ управу, прося прислать эпидемическаго врача. Но на его просьбу не было отвѣта двѣ недѣли, и онъ думалъ уже, что никого не пришлютъ, а между тѣмъ въ селѣ Дунькинѣ, слышно, уже тоже появилась какая-то горловая болѣзнь.

— Почему же такъ долго вамъ не отвѣчали?

— Боже мой, да вѣдь это цѣлая процедура — приглашеніе эпидемическаго врача! Дѣло въ томъ, что у уѣздной земской управы нѣтъ средствъ пригласить его, а для того, чтобы губернская управа взяла этотъ расходъ на свой счетъ, нужно, чтобы болѣзнь была признана эпидемической, а для того, чтобы признать ее эпидемической, нужно засѣданіе отдѣленія „Общества охраненія народнаго здравія", и т. д., т. д. А пока они тамъ списываются, переписываются, засѣдаютъ, обсуждаютъ,—тутъ можно сто разъ издохнуть!..

— Да это что̀—дифтеритъ!—продолжалъ докторъ.—Тутъ не одинъ дифтеритъ, а еще и тифъ! Просто не знаю, что̀ и дѣлать... Вотъ я вамъ сейчасъ пересчитаю: Зеленое... Черновка... Петюхино... Рыжиково... Знобишино... и вездѣ въ лёжку, дворовъ 20 подъ-рядъ. А эпидемическій фельдшеръ только одинъ, въ Черновкѣ, да и то ни чорта не дѣлаетъ, пьянствуетъ. Ну, что̀ тутъ дѣлать, скажите на милость?

— Сыпной тифъ?

— И сыпной, и брюшной, а то ужъ и не разберешь какой. Смертность, слава Богу, пока не велика, — что̀ будетъ дальше. Вы ужъ, пожалуйста, помогите мнѣ, я совсѣмъ съ ногъ сбился!

— Съ удовольствіемъ.

— Вѣдь вы посмотрите, какой у меня участочекъ! — (Онъ сбѣгалъ въ кабинетъ и принесъ карту Х. уѣзда.)—Вотъ глядите, два крайнихъ фельдшерскихъ пункта. До этого отъ Мухоярова 48 верстъ. А до этого—54 версты. Итого 102 версты. И на каждомъ я долженъ обязательно побывать два раза въ мѣсяцъ. А тутъ еще эпидемія! А тутъ у меня больница на 20 кроватей, да амбулаторія! А тутъ еще лошадей не даютъ... Да чортъ васъ возьми, возьму и брошу я эту медицину! Сниму участокъ земли и буду земледѣліемъ заниматься...—Онъ вскочилъ и забѣгалъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— А я слышала, что вы тутъ еще чтенія устроили?—спросила я.—Занимаетесь искорененіемъ пьянства?

— Кто это вамъ сказалъ?

— Староста на станціи.

— Ну ужъ изъ этого субъекта ничѣмъ пьянства не искоренишь!

— Какъ? Онъ сказалъ мнѣ, что совсѣмъ бросилъ пить.

Докторъ расхохотался.

— Бросилъ? Ахъ, животное! Первый пьяница и плутъ, съ

утра до ночи безъ просыпу пьянъ. Вы еще увидите, что это за жуликъ. Ахъ, Тартюфъ эдакій!..

Докторъ и его жена наперерывъ принялись мнѣ разсказывать о мѣстныхъ нравахъ и порядкахъ, о своихъ предпріятіяхъ и культурныхъ затѣяхъ, и въ какихъ-нибудь два-три часа, я узнала всю подноготную молодыхъ супруговъ. Оказалось, что дѣйствительно докторъ, съ разрѣшенія мѣстнаго священника, организовалъ воскресныя чтенія, въ которыхъ принимаетъ участіе и сельскій учитель, что на дняхъ онъ ожидаетъ изъ Москвы волшебный фонарь и книжки для народа, и что пока дѣло еще хорошенько не наладилось, но есть надежда на успѣхъ. Я выразила сомнѣніе, докторъ вскипятился, и тутъ мы немножко поспорили, при чемъ подняли такой шумъ, что старуха-нянька, задремавшая-было у печки, проснулась и съ недоумѣніемъ высунула въ дверь свою заспанную физіономію.

— Будетъ полуношничать-то! Ужъ три часа никакъ!—объявила она.

Дѣйствительно было уже около трехъ часовъ. Мы вспомнили, что вѣдь завтра мнѣ надо ѣхать въ Яругино въ восемь часовъ утра, и, пожалуй, пора спать. Было рѣшено, что я поселюсь пока у доктора, такъ какъ Мухоярово представляетъ изъ себя центральный пунктъ, откуда мнѣ всего удобнѣе будетъ посѣщать зараженныя тифомъ и дифтеритомъ мѣста; кромѣ того, здѣсь же земская станція, что тоже удобно для разъѣздовъ. Я согласилась съ этимъ, и мы разошлись.

Положили меня въ кабинетѣ маленькаго доктора. Но, лежа на мягкомъ диванѣ, я долго не могла уснуть, возбужденная поѣздкой, разговорами и особенно тѣмъ, что предстояло мнѣ завтра. Мысленно я намѣчала программу будущихъ дѣйствій, припоминала различные способы леченія, дезинфекціи и т. д., т. д. Потомъ мысли начали путаться; какія-то смутныя, но печальныя картины мерещились; кирпичныя, пропитанныя сыростью избы толпой окружили меня, глядѣли мнѣ въ глаза всѣми своими окнами и, казалось, вопіяли: „ко мнѣ, ко мнѣ“! А въ уши кто-то назойливо и монотонно шепталъ: „дезинфекція... изоляція, дезинфекція, изоляція“... Я заснула.

III.

Разбудили меня громкіе голоса за стѣной. Одинъ изъ нихъ, взволнованный и разсерженный, принадлежалъ маленькому доктору; другой, неувѣренный и тягучій, былъ мнѣ незнакомъ. Док-

торъ, очевидно, нападалъ и распекалъ; неизвѣстный оправдывался и возражалъ. Я взглянула на часы,—было уже семь. Надо вставать.

Голоса замолкли, послышались торопливые шаги и стукъ въ дверь.

— Вы спите?—спросилъ меня докторъ.

— Нѣтъ, встаю.

— Мерзавцы эдакіе! Полюбуйтесь, какихъ они вамъ лошадей привели!

— А что̀, плохія?

— Да нѣтъ, вы поглядите только! Ну, что̀ же это такое? А? Канальи!..

Онъ ринулся куда-то, и въ передней снова послышался его негодующій голосъ, а я подошла къ окну и взглянула на дворъ. Передъ окномъ печально стояла пара одровъ, при видѣ которыхъ мнѣ невольно вспомнилась знаменитая лошадь Пиквика,—лошадь, никогда будто бы не распрягавшаяся, во избѣжаніе паденія. Несчастные скелеты, стоявшіе передъ моими глазами, казалось, тоже упали бы немедленно, еслибы ихъ не поддерживали оглобли. Лошадямъ соотвѣтствовали и сани—крошечныя, узенькія, съ кривыми полозьями, набитыя соломой, торчавшей въ разныя стороны. Какія-то рваныя мочалки вмѣсто сбруи довершали картину, но около ушей несчастныхъ клячъ все-таки болтались бубенцы,—вѣроятно, для приданія имъ бодрости, а можетъ быть, и для „красоты“.

Зрѣлище было настолько грустное, что мнѣ даже смѣяться не захотѣлось. Я вышла въ переднюю. Тамъ стоялъ вчерашній староста съ книгой въ рукахъ. Голова его была понурена, и онъ часто мигалъ своими красными вѣками. Передъ нимъ, весь взъерошенный, разгоряченный, кипятился докторъ.

— Ну, что̀, видѣли?—обратился онъ ко мнѣ.—Каковы?

— Я на этихъ лошадяхъ не поѣду,—объявила я старостѣ.

Староста еще болѣе поникъ головой.

— Другихъ нѣту...

— Какъ угодно, я такъ и запишу въ книгу. У меня открытый листъ на тройку, а вы даете пару, да хоть бы еще порядочныхъ, а то мертвецовъ какихъ-то! Я сейчасъ же напишу въ земскую управу.

Староста сдѣлалъ жестъ отчаянія.

— Что же, нѣту лошадей?

— Да тамъ есть тройка...—убитымъ голосомъ началъ онъ.

— Такъ что же? Вотъ и давайте ее!

— А ну какъ она понадобится!

— Кому?

— Кому? Начальству... Вдругъ становой поѣдетъ или земскій...

— Ахъ, канальи вы эдакія!—закипятился опять докторъ.— Становой, земскій... Да что же докторъ-то, по вашему, зря ѣздитъ? Для собственнаго удовольствія? Вѣдь тамъ люди мрутъ, а у васъ лошадей для доктора нѣтъ? Давай сюда книгу!

Староста вздохнулъ и вышелъ. Черезъ минуту на дворѣ прогремѣли бубенцы, и все затихло.

— Нѣтъ! Брошу медицину, ну ее къ чорту!—кричалъ докторъ, бѣгая по комнатѣ.—Брошу, брошу, уйду, буду землю пахать...

Нянька въ это время собирала на столъ и довольно равнодушно смотрѣла на изступленную бѣготню доктора,—очевидно, это было привычное явленіе и никого не безпокоило.

Въ дверь просунулась голова больничнаго сторожа, Дмитрія.

— Лошадей подали!—объявилъ онъ торжественно.

Докторъ прекратилъ свою бѣготню, и мы бросились смотрѣть. Лошадей опять была пара, но лошади были хорошія, сани тоже имѣли приличный видъ и не угрожали развалиться на дорогѣ; сбруя щегольская, и вмѣсто бубенцовъ на дугѣ красовалась пара колокольчиковъ. Однимъ словомъ, все было какъ слѣдуетъ.

— Ну, что?—съ торжествомъ воскликнулъ докторъ.—Я вамъ говорилъ, что съ этими негодяями надо по-собачьи! Ну, вотъ, вѣдь нашлись же лошади!—обратился онъ къ старостѣ.

Староста ничего не отвѣчалъ, но когда я росписывалась въ книгѣ, онъ шепнулъ мнѣ, обдавъ меня спиртуознымъ запахомъ:— Вы, сударыня, ужъ роспишитесь, что троечку получили! — Но я уклонилась отъ этого, и онъ ушелъ огорченный.

Наскоро напившись чаю, я стала собираться въ путь. Докторъ снабдилъ меня своими валенками, которыми я забыла запастись, потомъ въ сани уложили ящикъ съ медикаментами, бутыль съ сулемой, гидропультъ, свертокъ съ чаемъ и сахаромъ, и наконецъ усѣлась я.—Ну, счастливый путь!—крикнулъ съ крыльца докторъ, и мы покатили.

Первая остановка моя должна была быть въ с. Козихѣ, верстъ за двѣнадцать отъ Мухоярова. Здѣсь была послѣдняя земская станція, которую содержалъ богатый мужикъ Рыжиковъ, онъ же и „воспенникъ“. По хорошей широкой дорогѣ мы быстро доѣхали до Козихи, и здѣсь мнѣ запрягли пару гуськомъ, такъ какъ до Яругина приходилось ѣхать уже не по большой, а по

проселочной дорогѣ. Пока перепрягали лошадей, я сидѣла у „воспенника“, въ большой просторной избѣ, гдѣ кромѣ бабъ и ребятъ помѣщались еще двѣ овцы съ ягнятами, новорожденный теленокъ и голуби, обитавшіе на полатяхъ. Воздухъ былъ нестерпимый; слѣды голубей виднѣлись на столѣ, на лавкахъ, даже на почтовой книгѣ. Двѣ бабы молча пряли на прялкахъ; ребятишки лазали по лавкамъ, съ любопытствомъ на меня посматривая; на печи кто-то храпѣлъ. Курносый, невзрачный парень, котораго называли Амелькой, въ рваномъ тулупѣ, въ огромной шапкѣ, вошелъ въ избу и объявилъ, что лошади готовы.

— Подземка на дворѣ,—прибавилъ онъ.—Такъ и мететъ, такъ и мететъ!

Дѣйствительно на дворѣ сильно мело. Лошади были хорошія, сытыя, и Козиха быстро промелькнула. Тѣ же кирпичныя избы съ проступившей наружу сыростью, кучи золы на улицахъ, ребятишки съ салазками, бабы съ ведрами... а тамъ опять снѣжныя поля, буераки, занесенные сугробами, кое-гдѣ перелѣски, деревни съ вѣтрянками... Метель, между тѣмъ, разыгрывалась не на шутку; даль задернулась молочной дымкой, силуэты вѣтрянокъ потонули въ снѣжномъ вихрѣ. Мы плыли въ какомъ-то безбрежномъ бѣломъ и холодномъ морѣ. Несмотря на то, что я была въ валенкахъ и окутана плэдомъ, ноги у меня начали зябнуть. Въ воротникъ задувало, а подъ платокъ сыпался снѣгъ и таялъ.

— Далеко отъ Козихи до Яругина?—спросила я Амельку.

— Версты двадцать двѣ будетъ.

— А сколько мы проѣхали?

— Верстовъ восемь.

„Еще четырнадцать осталось!“—подумала я и рѣшилась покориться своей участи. Я съёжилась, плотнѣе завернулась въ плэдъ и зарыла ноги въ солому, которая обильно была натыкана въ сани. Но солома оказалась мокрая, валенки мои отсырѣли, и ноги стали зябнуть еще пуще. А отъ ногъ острый холодокъ началъ пробираться и по всему тѣлу. Я вспомнила разсказъ одного шипкинскаго солдата, который во время балканскихъ морозовъ уцѣлѣлъ какимъ-то чудомъ, отморозивъ себѣ только обѣ ноги. „Первое дѣло,—чтобы во всю грудь не дышать!—разсказывалъ онъ мнѣ. Бывало, эдакъ, заберешь въ себя духу побольше, да и держишь его внутрѣ, не выпущаешь зря; духъ согрѣется,—глядишь, и самому потеплѣе станетъ! Потому, главная вещь, чтобы духъ въ тебѣ былъ теплый, а какъ духъ охолодаетъ, тутъ ужъ каюкъ“! Я попробовала сдѣлать то же самое, и дѣйствительно, сдѣлалось какъ будто теплѣе „внутрѣ“. А метель все крутила и

крутила; съ нею вмѣстѣ безпорядочно крутились и мои мысли. Я укуталась съ головой и подъ шумъ вѣтра, подъ мѣрный топотъ лошадей забылась.

Вдругъ—трахъ, трахъ... сани накренились на одинъ бокъ, потомъ на другой и ринулись куда-то внизъ. Я открыла глаза.

— Что это такое? — спросила я: спросонья мнѣ показалось, что мы летимъ въ пропасть.

— Яругино,—отвѣчалъ Амелька.

Мы пересѣкали дно глубокой лощины. Передъ нами, на бугрѣ, словно часовые, угрюмо чернѣли неподвижныя вѣтрянки. Слава Богу, пріѣхали!..

IV.

— Куда заѣзжать будете?—спросилъ Амелька, когда мы выѣхали на большую площадь села.

— Къ старостѣ.

Амелька обогнулъ церковь и остановилъ лошадей у большой бѣлой избы, аккуратно покрытой свѣжей соломой. На крыльцѣ сидѣло нѣсколько человѣкъ мужиковъ.

— Гдѣ староста?—спросила я, вылѣзая изъ саней и расправляя застывшіе члены. Ко мнѣ подошелъ низенькій рыжеватый мужикъ съ раскосыми сѣрыми глазами, плутовато бѣгающими по сторонамъ.

— Вамъ его на что?—спросилъ онъ.

Я объяснила. Староста снялъ шапку, и лицо его изобразило привычную почтительность передъ начальствомъ, а на губахъ заиграла притворно-умильная улыбка. Мужики, сидѣвшіе на крыльцѣ, тоже встали и сняли шапки.

— Это я и есть староста! Пожалуйте въ избу обогрѣться!

Я вошла въ избу, гдѣ пахло горячимъ хлѣбомъ и овчиной. Староста и мужики послѣдовали за мной.

— Это вотъ у Бурдачевыхъ началось допрежь,—началъ разсказывать староста.—Съ нихъ и пошло. У васъ, что-ль?—обратился онъ къ кому-то въ толпѣ.

Изъ толпы выдвинулся высокій угрюмый мужикъ.

— У насъ. Да это давно, до Рожества еще. Оба померли...

— А потомъ у Борискиныхъ. У нихъ тоже двое померли. Тоже на Рожество никакъ? Ай нѣтъ?

— На свѣчки [1]) хоронили!—послышалось въ толпѣ.

---

[1]) Крещенскій сочельникъ.

— Ну-ну, такъ и есть—на свѣчки! Обои отъ глоточки! Захватитъ-захватитъ глоточкю, и шабашъ! И что̀ за боль такая, Господи и что̀ за боль?

— А теперь гдѣ же больные есть?

— Да теперича вотъ у Шипулиныхъ двѣ дѣвки захворали. Прибѣгали утресь—сказывали.

Я справилась въ записной книжкѣ, которую далъ мнѣ докторъ.

— Это у какихъ Шипулиныхъ? У которыхъ семеро померло?

— Нѣтъ, у другихъ, у сосѣдей.

— А у тѣхъ есть еще больные?

— Да не слыхать. Филька-то никакъ поправляется.

— Какое поправляется!—послышалось въ толпѣ.—Померъ!

— Какъ померъ?—воскликнулъ староста.

— Вечёрось хоронили. А теперича, точно, не слыхать.

Староста, очевидно, былъ сконфуженъ и завилялъ глазами. —Какъ же это такъ, померъ!—бормоталъ онъ.—А говорили, поправляется!..—Въ избѣ, между тѣмъ, становилось все тѣснѣе и тѣснѣе,—набирался народъ. Всѣ тѣснились ко мнѣ. Вотъ сквозь толпу протискалась крошечная, сморщенная старушка въ поношенномъ ватномъ пальто, съ платкомъ, свернутымъ въ комочекъ, въ рукахъ, и слезящимися глазами уставилась на меня.

— Говорятъ, докторица пріѣхала,—начала она,—вотъ я и прибѣгла! Ко мнѣ-то, ко мнѣ-то заѣзжайте! У меня двое больны,—дѣвочка да мальчикъ!

— Давно заболѣли?

— Да дѣвочка другой день, а мальчикъ, слава Богу, вызволяется. Полегчало! А у дѣвочки-то я поглядѣла давеча въ глоточкѣ, такъ все пупырьями, все пупырьями...

— А Любашку схоронила?—спросилъ кто-то.

— Схоронила,—покорно отвѣчала старушка и утерлась своимъ комочкомъ.—Ахъ, ужъ и дѣвочка была занятная, ужъ такая занятная...

— Это внучка ейная скончалась,—вмѣшался староста, видимо желая загладить свой давешній промахъ насчетъ Фильки.—Пять дёнъ была больна!

— Ну, хорошо,—сказала я.—Такъ мы, значитъ, такъ по порядку всѣхъ больныхъ и объѣдемъ. Староста, ты со мной поѣдешь, будешь указывать, гдѣ есть больные!

— Слушаю. Такъ мы сейчасъ къ Платоновымъ,—это вотъ рядомъ здѣсь,—потомъ, значитъ, на тотъ конецъ, къ Шипули-

нымъ.—Эй, бабка!—крикнулъ онъ старушкѣ съ комочкомъ.—Сейчасъ къ тебѣ!

— Ой, надо побѣчь! У меня дома-то никого!—заторопилась старушка, скрываясь въ толпѣ.

Мы вышли на крыльцо. Ко мнѣ подошелъ давешній угрюмый мужикъ.

— Шерсть прикажите отдать!—сказалъ онъ, снимая шапку.

— Какую шерсть?

— Шерсть у насъ опечатали докторъ съ урядникомъ. Быдто отъ шерсти боль. А какая отъ ней боль? Ей и всего-то три пуда! Прикажите отдать.

— А откуда же у васъ шерсть?

— Съ Кавказа. Мы кажный годъ туда ходимъ шерсть бить. Шерстобиты мы. А у насъ ее опечатали! И всего-то три пуда... Сдѣлайте такую милость, прикажите отдать!

— Хорошо, я посмотрю,—сказала я, сбитая съ толку и запутанная всѣми этими непредвидѣнными обстоятельствами.—Это послѣ, сейчасъ мнѣ некогда.

Не успѣли мы отъѣхать отъ старостиной избы—откуда-то выскочили ребятишки и помчались за нами. Староста пригрозилъ имъ бадикомъ, и они разсыпались въ разныя стороны.

— Ишь, каторжныя! Сладу съ ними нѣтъ! Докторъ не велитъ ихъ на похороны пущать, а какъ за ними углядишь? Полна церква наберется, да вѣдь, анаѳемы, къ самому покойнику лѣзутъ!... Вонъ, вонъ, у хибарки-то остановись!—крикнулъ онъ, когда мы поровнялись съ приземистой, кривобокой избенкой, обмазанной глиной.

Старушка уже стояла на порогѣ и кланялась.

Мы вошли въ крошечную избу, на половину занятую печью. Полъ былъ земляной, но чисто выметенъ; лавки, столъ выскоблены,—ни грязи, ни вони; уютно и аккуратно.

— Анютка! А, Анютка!—кликнула старушка.—Слѣзь-ка съ печки-то,—вотъ тебѣ докторица глоточку посмотритъ!

Съ печки слѣзла дѣвочка лѣтъ двѣнадцати съ лихорадочнымъ румянцемъ на щекахъ и тусклыми глазами. Она тяжело дышала и апатично глядѣла на меня. Въ глоткѣ у нея оказались дифтеритическіе налеты и кровоточащія язвинки.

— Помретъ?—спросила старушка.

— Ну, это еще неизвѣстно. Можетъ, и поправится.

Старушка заморгала и вытерлась комочкомъ.

— Ужъ вижу, что помретъ... Вотъ и Любка такъ же,—все горѣла, все горѣла, потомъ пошла носомъ кровь—и кончилась.

А все, бывало, кричитъ: „Я, бабушка, не поддамся! Я помирать-то не хочу!“ Занятная была такая... А тутъ подъ-вечеръ и ослабѣла. Позвала меня. „Прощай, говоритъ, бабушка, перекрести меня!“ Я это ее перекрестила, а она икнула разъ, икнула другой, словно водой захлебнулась—и отошла...

Старушка плакала.

— А мальчикъ гдѣ же?

— Мальчикъ на дворъ убѣгъ. Не усмотришь за нимъ. Теперича ничего, отдохъ, а тоже дюже она его забрала. Глоточку-то словно сажею залѣпило. Я ужъ, бывало, возьму лучинку, да лучинкой-то ему и прочищу, такъ, кубать, паутина тянется,—сѣрая такая, да клубомъ. И глядѣть-то страшно!

— Ты имъ—бабушка?

— Бабушка рòдная. Родителей-то нѣту.

— Померли?

— Зачѣмъ померли, помилуй Богъ! На работѣ! Отецъ на чугунку пошелъ, а мать въ городѣ, въ прислугахъ. Землицы-то у насъ, вишь, нѣту, обѣдняли, видишь, какъ живемъ! Ни овечки, ни курочки,—хлѣба-то, и того нѣту! Ну, и пошли въ люди добывать! Оставили меня, старую, за дѣтьми глядѣть, анъ я вонъ какъ углядѣла...

— А самоварчикъ есть у тебя, бабушка?

— Какой самоварчикъ? Нѣту. Горшковъ-то и то нѣту!

— А я, было, тебѣ хотѣла чайку-сахарку оставить.

Лицо старушки просіяло.

— О! Это ты оставь, это мы попьемъ съ Анюткой. Мы и въ горшкѣ его запаримъ. Слышь, Анютка, чайку хочешь?

— Хочу...—робкимъ шопотомъ отозвалась Анютка.

— Любашки-то нѣту...—вспомнила опять старушка, всхлипнувъ.—А то бы и она съ нами попила... Тоже, бывало, ужъ чуть дышетъ, а все чайку проситъ: „бабушка, ты бы чайку достала,—чайку хотца...“ Побѣжишь къ кабатчицѣ, выпросишь...

Я смазала дѣвочкѣ горло, оставила лекарствъ и неизбѣжную „карболку“, и мы съ старостой отправились къ Шипулинымъ. Пришлось проѣхать опять чуть не все село. Когда мы завернули въ глухой переулокъ, староста велѣлъ остановиться. Опять низенькія избы, до самыхъ крышъ занесенныя сугробами, темныя сѣнцы безъ крылецъ, кучи золы на снѣгу, узенькія тропинки, протоптанныя отъ дороги къ дверямъ... Тишина, безлюдье, мертвенный покой... Только снѣжные вихри, вздымаемые вѣтромъ, словно призраки, носятся надъ сугробами.

— Вотъ они, обои Шипулины рядомъ. Куда прежде,—къ Адріану или къ Филиппу?

— Гдѣ есть больные—туда.

— Такъ это къ Филиппу. Отъ нихъ ныньче приходили.

Темныя сѣни, загроможденныя кадками и какими-то мѣшками, низенькая закопченая дверь, тѣсная изба съ крошечными подслѣповатыми оконцами... Острый запахъ навоза и мочи обдалъ насъ при входѣ; въ избѣ царилъ полумракъ. Когда глаза нѣсколько освоились съ этой темнотой, я увидѣла передъ собою высокаго, худого старика съ длинной, сѣдой бородой. Онъ стоялъ у порога и недовѣрчиво смотрѣлъ на меня.

— Вы Филиппъ Шипулинъ?

— Мы.

— Гдѣ у васъ больные?

Старикъ сдѣлалъ рѣшительный жестъ и, загораживая мнѣ дорогу, отвѣчалъ:

— Нѣту у насъ больныхъ... Такъ, пустое!

— Покажите мнѣ больныхъ.

— Да что ихъ глядѣть? Говорю, нѣту. Да вы сами-то кто будете?

— Я докторица. Изъ губерніи меня прислали,—лечить.

— Нечего лечить! На все воля Божья,—кому помереть, а кому и выздоровѣть. Не надо намъ докторовъ!

— Да ты что же это разговариваешь, старый чортъ?—вступился староста.—Отъ васъ ныньче объявка была, что двое захворали, а ты тутъ кобянишься? Ты съ кѣмъ это разговариваешь-то? Слышишь, изъ губерни докторица!

— А мнѣ наплевать, что изъ губерни!—угрюмо продолжалъ старикъ. — Знаемъ мы докторей-то этихъ! Вонъ къ Адріану ѣздилъ тоже докторъ, а вылечилъ, что-ль? Всѣ померли, ничего не вылечилъ! Коли помирать, такъ пущай такъ помираютъ.

— Ахъ ты, анаѳема! Да я тебя...—закричалъ староста.

— Ну, ну, молчи, косой дьяволъ! Вотъ возьму помело, да и съ докторшей-то васъ...

Видя, что отъ вмѣшательства старосты наши отношенія только обостряются и ничего, кромѣ ругани, не выйдетъ, я велѣла старостѣ молчать и снова обратилась къ старику.

— Не хорошо, дѣдушка, говоришь! Я вѣдь не по своей волѣ пріѣхала, меня земство прислало; говорятъ, у васъ дѣти тутъ сильно хвораютъ, надо помочь, а ты меня и на порогъ не пускаешь. За что? Что я тебѣ худого сдѣлала?

— И вправду, чего ты зря-то?—послышался изъ темнаго

угла бабій голосъ.—Може, отъ нея помога какая будетъ, а ты, ничего не видя, кидаешься...

— И то зря!—отозвался другой бабій голосъ.

Старикъ, лишенный поддержки, смутился и растерянно оглядѣлся по сторонамъ.

— Да вѣдь я что же?.. Я вѣдь ничего...—началъ онъ другимъ тономъ.—Я вѣдь это только къ тому и говорю, чѣмъ они лечить будутъ... Вонъ фершалъ намедни былъ, какую-то іоду далъ. А отъ ней еще пуще дѣвчонку разнесло. Гдѣ она у насъ, іода-то? Въ пузырькѣ она была. Агашка, гдѣ пузырекъ-то?

— Да ты куда ее дѣлъ? Дѣвки, не видали іоду?

— Да въ печуркѣ должно. Энта, что-ль?

— Нѣту! Энта желтая! А это полоскать...

Въ избѣ поднялась суматоха. Обрадованная счастливымъ исходомъ дѣла, я сѣла на лавку и осмотрѣлась. Въ избѣ оказалась куча народу; бабы съ прялками; на печкѣ, на полатяхъ—ребятишки; на полу, на соломѣ—телята, овцы, ягнята.

Наконецъ, „іода“ отыскалась, и старикъ торжественно подалъ ее мнѣ.

— Вотъ она! На-ка, погляди; должно, она—вредная!

Я должна была съ самымъ серьезнымъ видомъ осмотрѣть пузырекъ, обнюхать его, даже лизнуть для пущей убѣдительности, и объявила, что разнесло не отъ іода, что іодъ—штука хорошая, а что ужъ это болѣзнь такая.

— И ты опять ей мазать будешь?—съ недовѣріемъ спросилъ старикъ, пытливо на меня глядя.

— Нѣтъ, зачѣмъ же! Если она не помогаетъ, у меня другія лекарства есть. Я попробую по другому лечить.

— О! — сказалъ успокоенный старикъ.—Ну, ладно... Александра! Неси дѣвчонку-то!

Въ темномъ углу произошла какая-то возня; кого-то уговаривали идти, подталкивали; кто-то упирался. Наконецъ, ко мнѣ подошла молодая баба съ дѣвочкой лѣтъ четырехъ на рукахъ. Она прижимала ее къ себѣ съ такимъ видомъ, какъ будто я собираюсь отнять отъ нея дѣвочку, и въ глазахъ ея свѣтился испугъ. Дѣвочка была въ жару и въ забытьѣ; глаза ея были полуоткрыты; изъ воспаленнаго рта со свистомъ вырывалось зловонное дыханіе. Видя, что я не дѣлаю никакихъ попытокъ отнять у нея дѣтище, баба взглянула на меня смѣлѣе и подошла ближе.

— Вчерась захватило...—разсказывала она.—Я давеча поглядѣла у ней въ глоточкѣ,—кабыть, творогъ; я ложечкой хотѣла—кровища пошла.

Я попробовала открыть дѣвочкѣ ротъ шпаделемъ—дѣвочка застонала и заметалась. Баба въ ужасѣ прижала ее къ себѣ.

— Она?—спросила она упавшимъ голосомъ.

— Да.

Баба заплакала, и слезы крупными каплями скатывались по ея щекамъ и падали на лицо больной.

— А ты не убивайся! Мы ее полечимъ! Не всѣ вѣдь отъ этой болѣзни помираютъ,—утѣшала я ее.

— Нѣтъ, гдѣ ужъ!—вмѣшался старикъ.—И лечить-то нечего! Готовь, Александра, рубаху.

Александра враждебно посмотрѣла на старика и, утирая глаза концомъ головного платка, прошептала:

— Ты все-таки дай мнѣ чего-нибудь! Ужъ я все буду дѣлать, какъ велишь, только полечи ты ее мнѣ. Одна она у меня.

Я открыла свою походную аптечку, достала пульверизаторъ и привела его въ дѣйствіе, потомъ приготовила кисточку для смазыванія, пузырекъ съ растворомъ полуторохлористаго желѣза и разложила все это на столѣ. Изъ темнаго угла появились еще бабы и окружили меня; съ печи и полатей свѣсились русыя и бѣлыя головы; со всѣхъ сторонъ глядѣли любопытные и въ то же время нѣсколько испуганные глаза.

На этотъ разъ Александра безъ всякаго сопротивленія позволила мнѣ открыть дѣвочкѣ ротъ и даже помогла дѣйствовать пульверизаторомъ. Потомъ я смазала больной горло и обратилась къ старику.

— Ну, гдѣ же у васъ еще больные?

— Эй, бабы!—крикнулъ старикъ.—Тащи больныхъ-то! Вотъ дѣвка еще... Варька, иди къ барынѣ-то, небось!

— Варвара, иди...—слышался шопотъ.—Она ничего...

Дѣвушка лѣтъ шестнадцати подошла ко мнѣ и несмѣло открыла ротъ, косясь на ящикъ съ пузырьками. Увидѣвъ, что я беру шпадель, она заплакала.

— Чего ты?—спросила я.

— Рѣзать будешь...

— Какъ тебѣ не стыдно! Большая, а глупости говоришь. Какъ же это я тупымъ рѣзать буду? Вѣдь это тупой, погляди сама.

— А и впрямь дура! — подтвердилъ и старикъ, хотя все время не отходилъ отъ ящика и подозрительно оглядывалъ каждый предметъ.—Небось, барыня знаетъ, что дѣлаетъ!

У Варьки оказалась легкая форма. Смазала и ей, и она ушла въ свой уголъ успокоенная.

— Еще есть?

— Есть!—уже совсѣмъ весело закричалъ старикъ, убѣдившись окончательно, что никакихъ особенныхъ ужасовъ отъ моихъ лекарствъ не произошло. Еще дѣвка есть,—у насъ все дѣвки! Эй, Глашка! Куда она дѣвалась? Бабы, гдѣ она?

— Подъ печкой, смотри! Она еще давеча, какъ сказали, что докторица пріѣхала,—шмыгъ!—и спряталась.

— Глашка!—кричалъ дѣдъ — Иди, стерва! Аль издохнуть хочешь?

И онъ, пересаливая въ своемъ усердіи, которымъ, очевидно, желалъ загладить давешній пріемъ, вытащилъ изъ-подъ печки дѣвочку лѣтъ семи, въ длинной бѣлой рубашонкѣ, съ бѣлыми волосами, остриженными въ кружокъ, какъ у мальчика. Она упиралась и ногами, и руками, рвалась изъ рукъ дѣдушки и дико орала. Разсерженный старикъ далъ ей подзатыльника.

— Ну, зачѣмъ же это? — остановила я расходившагося дѣдушку.—Не надо, а то она бояться будетъ.

— Да что же она, стерва...

— Оставь ее, она сама подойдетъ и глотку покажетъ. Да она и такъ ишь какъ ротъ разинула,—все видно! Вотъ я въ другой разъ пріѣду, конфектъ привезу. Всѣмъ, кто горло будетъ показывать, дамъ!

Но, несмотря на всѣ умасливанія, Глашка вырвалась отъ старика и опрометью бросилась на полати.

— Эхъ ты!—крикнулъ ей кто-то.—А еще мальчикъ!

— Она у насъ за мальчика! — улыбаясь, сказала одна изъ бабъ. — У насъ въ семействѣ мальчиковъ-то нѣту, вотъ она и говоритъ: „Я у васъ въ мальчикахъ буду!“—Да вѣдь какая,—и пахать умѣетъ, и косить, и съ лошадьми въ ночное ѣздитъ,—чистый мужикъ, право!

— Возьметъ, шапку надѣнетъ и кричитъ: „Я не Глашка, я Гришка! Зовите меня Гришкой!“—прибавила другая.—Вотъ, по-мужичьи ее остригли, теперь штаны сошьемъ, совсѣмъ мальчикъ будетъ!

— Эй, Гришка, слѣзай! Что̀ барыня-то скажетъ? Какой это, скажетъ, мальчикъ,—дѣвчонка это ледащая!

— Вотъ жалко, если помретъ,—сказала я.

— Я помирать не хочу!—откликнулась съ полатей Глашка.

— Не хочешь, а горла мнѣ не показала!

— Я и такъ не поддамся!

— Не поддашься! — замѣтилъ старикъ. — Вонъ Филька-то больше тебя былъ, тоже говорилъ,—не поддамся,—а померъ!

Дѣвочка задумалась. Она свѣсила голову съ полатей и нерѣшительно смотрѣла на меня. Потомъ на лицѣ ея появилась лукавая улыбка.

— А конфетку-то... дашь?

— А какже! Вотъ завтра пріѣду и привезу.

— Ну, ладно!

Она проворно спрыгнула съ полатей и разинула ротъ. Смазала и ей.

— Ну, всѣ, что-ль?—крикнулъ дѣдъ.

— Всѣ!

— Ну, дай Богъ съ вашей легкой руки! Когда же еще-то пріѣдешь?

— Теперь каждый день буду ѣздить.

— О! Это ты ловко! Пріѣзжай, пріѣзжай, да ужъ не серчай на насъ. Больно мы напуганы, ужъ такъ напуганы, бѣда!..

V.

— Размякъ, старый песъ!—ворчалъ староста, когда мы выходили. Нѣтъ, съ ними надо не такъ! Его бы, стараго кобеля, въ одноглазкѣ три дня проморить за эдакія дѣла! Какже! Полна изба больныхъ, а онъ не пущаетъ! И еще ему же кланяются, просятъ, да тьфу!..

Онъ видимо былъ недоволенъ всѣмъ моимъ поведеніемъ и потерялъ ко мнѣ всякое уваженіе.

Опять темная изба, запушенныя снѣгомъ оконца, вонь, духота, тѣснота... Въ углу большой столъ, накрытый скатертью; за печкой двѣ люльки; въ одной изъ нихъ сидитъ крошечная грязная дѣвочка съ огромнымъ ломтемъ хлѣба въ рукахъ. У стола на лавкѣ молодая, красивая баба въ полушубкѣ и платкѣ; другая, постарше, въ черной кофтѣ и въ черномъ платкѣ, повязанномъ на затылкѣ, возится у печи.

— Адріанъ Шипулинъ дома?—спросила я, входя.

Женщина въ черномъ платкѣ не оглянулась и не отвѣчала. Молодуха отвѣтила: „нѣту его дома“!

— Это у васъ семеро померло?

— У насъ.

— Твои всѣ?

— Нѣтъ, моихъ только двое. А вотъ у ней пятеро было, всѣ померли. Вчера послѣдняго схоронили.

При этихъ словахъ женщина въ черномъ бросила ухватъ и

стремительно выбѣжала въ сѣни. Но черезъ минуту она снова вернулась и еще яростнѣе стала швырять горшками и ухватами. Ея худое, заострившееся лицо застыло въ выраженіи какой-то окаменѣлой злобы; тонкія губы были стиснуты, точно она старалась подавить въ себѣ нестерпимую боль, нахмуренныя брови сдвинуты надъ переносицей.

Въ эту минуту въ избѣ появилось новое лицо. Это была низенькая, толстая баба лѣтъ сорока, съ толкачемъ въ рукахъ. Ея скуластое лицо, все изрытое рябинами, съ толстымъ носомъ и огромнымъ ртомъ, было некрасиво, почти безобразно, но въ этихъ безобразныхъ чертахъ было разлито столько добродушія и веселости, маленькіе голубенькіе глазки смотрѣли такъ открыто и честно, что я сразу почувствовала къ толстухѣ большое расположеніе.

— Ты съ ней не говори теперича!—шепнула она мнѣ, мигая на черную бабу.—Она теперича не въ себѣ... плакать не плачетъ, а только вотъ рветъ и мечетъ на всѣхъ. Какъ Фильку схоронила, такъ и озвѣрѣла. Вѣдь и вправду, шутка ли, пятерыхъ схоронить! Да у молодой двое померло. И, Господи, что̀ тутъ было! Бывало, шестнадцать человѣкъ за столъ-то садилось, а нынче пусто! Я чужая, и то жутко глядѣть.

— А это чьи же дѣти?—спросила я, указывая на люльки.

— Это наши,—равнодушно отвѣчала молодуха.—Дѣвчонки все остались, одна вотъ моя, да у середней невѣстки двѣ. Дряньто вотъ осталась... а на кой она? Ужъ помирали бы и эти!

— И что ты, что ты!—замахала на нее толкачемъ толстуха.—Помилуй Богъ, нешто можно такъ говорить, грѣхъ!

— Да что, извѣстно, помирали бы! Хворыя, глядѣть на нихъ тошно! А большіе да здоровые померли!

— Всѣ большіе померли?

— Старшая дѣвка-то невѣста ужъ была, 17-й годокъ. Филькѣ 14 лѣтъ было...

— Эхъ, Филяху жалко!—сказала толстуха.—Что за малый былъ! Красавитый, да работникъ, да шутникъ! А смерть свою чуялъ... Третьеводни дядя говоритъ ему: „Филяха, вставай, будя тебѣ лежать-то!“—А онъ обнялъ его эдакъ за шею, да и говоритъ: „Нѣтъ, дядяха, прощай, моего житья немного осталось“...

Толстуха прослезилась и утирала носъ и глаза полой полушубка.

— А эти у васъ здоровы?—обратилась я снова къ молодухѣ.

— Да что̀, ни здоровы, ни больны; такъ, чаврѣютъ! Вонъ

у энтой животъ ростетъ, а ноги какъ спички, и все несетъ, все несетъ, что̀ ни съѣстъ, все несетъ! Моя тоже закоростовѣла совсѣмъ.

— А глазки не болятъ?

— Нѣтъ, ничего. У одной болѣло, да прошло; она теперь на дворъ убёгла.

Я подошла къ другой люлькѣ и подняла пологъ. Мнѣ въ лицо пахну́ло нестерпимымъ запахомъ; въ люлькѣ лежала дѣвочка лѣтъ двухъ, завернутая въ грязныя тряпки; головка ея, личико, руки, животъ, все слилось подъ зловонной корой мокнущей экземы.

— Я вамъ лекарства оставлю, это пройдетъ!—сказала я.— Только вы почище ее держите и мажьте аккуратнѣе.

— А ну ее! Руки отвалились совсѣмъ, а тутъ еще съ ней возись. Пущай помираетъ!

Толстуха пришла въ негодованіе.

— Ну, Фима, ты сбѣсилась! Эдакъ объ дитѣ говорить! Не говори ты съ ними!—зашептала она мнѣ.—Ополоумѣли онѣ обѣ, право слово! Ты мнѣ лекарства дай, я буду мазать! Возьму къ себѣ въ избу и буду мазать! Я одинокая!

Во все это время старшая баба не проронила ни слова и продолжала дѣятельно возиться у печи, то выходя, то возвращаясь. Но вся эта повидимому кипучая работа совершалась ею автоматически, по привычкѣ, и окаменѣлое лицо ея оставалось безучастнымъ.

Когда я записала всѣ нужныя для меня свѣдѣнія, дала лекарство и объявила, что они должны выбѣлить свою избу известкой, полы вымыть, а одежду, бывшую подъ больными, вынести на морозъ или, если не жалко, сжечь—она вдругъ точно проснулась и обернулась ко мнѣ.

— Чего это еще? Избу бѣлить?—неистово закричала она.— А мы-то куда дѣнемся?

— Ваша изба не велика, ее выбѣлить недолго. Мужики цѣлый день на работѣ, а дѣтей можно къ сосѣдямъ перевести. Да вотъ она возьметъ дѣтей!—обернулась я къ толстухѣ.

— И конешно возьму! Я одинокая!—весело подхватила толстуха, и ея безобразное лицо освѣтилось прекраснѣйшей улыбкой.—Давай ихъ всѣхъ мнѣ, я всѣмъ мѣсто найду!

— Ну вотъ и отлично! А выбѣлить непремѣнно надо, чтобы зараза не оставалась въ домѣ. Известку я вамъ привезу, платить за нее не надо, земство на свой счетъ вамъ ее дастъ!

— А мнѣ плевать на ваше земство!—въ изступленіи про-

должала баба.—Не надоть вашей известки, подавитесь вы ей! Небось, когда издыхали, васъ не было, а теперича, какъ подохли всѣ, хватились избы бѣлить да одежу жечь! Не буду я вамъ бѣлить!

— Что̀ ты, что̀ ты, дура!—остановилъ ее староста.—Что̀ ты болтаешь? Начальство тебѣ приказываетъ законъ исполнять, а ты эдакія слова...

— Плевать мнѣ на начальство и на законъ! Ты, косой чортъ, гдѣ былъ, когда мы въ волость заявляли, что у насъ зараза? Небось, кто говорилъ: „не господа, не подохнете!“ А какъ подохли,—законъ!

— Молчи, дура!—сказалъ староста и завилялъ глазами.

— Нѣтъ, я не дура, а ты мошенникъ! Ты когда докторуто заявилъ про заразу? Когда ужъ на погостъ стали таскать! Идолы вы всѣ, будьте вы трижды прокляты! Мнѣ все равно теперича, коли жечь, такъ я все въ печку побросаю, все пожгу, и избу сожгу, и все село сожгу!..

Съ этими словами она сорвала съ себя платокъ и бросила его въ печку. Толстуха бросилась къ ней.

— Э, дура!—пробормоталъ староста, и мы вышли.—Вѣдь вотъ, дура простоволосая, не понимаетъ, какія она слова говоритъ!—продолжалъ онъ уже на улицѣ.—Вѣдь за эти, за самыя пустыя слова что̀ бываетъ? Вѣдь я бы ее сейчасъ...

— Ну, Богъ съ ней, это она съ горя говоритъ!—сказала я.

— Помилуйте, да чѣмъ же начальство виновато, аль докторъ?

— А вонъ она говоритъ, что ты виноватъ, доктору во̀-время не заявилъ.

— Брешетъ она, вѣдьма!—виляя глазами, сказалъ староста. —Я заявлялъ. Нѣтъ, они идолы необразованные, вотъ что̀! Давеча, энтотъ старый лѣшій въ избу не пущаетъ, а потомъ на старосту валятъ, что не доноситъ!

Мы еще не успѣли отъѣхать отъ Шипулиныхъ, какъ черезъ дорогу перебѣжала баба и, махая рукой, просила остановиться. У нея тоже сынишкѣ захватило „глоточкю“... Утромъ еще бѣгалъ, игралъ, а сейчасъ лежитъ, горитъ и ничего глотать не можетъ. Пришлось опять вылѣзать, тащиться по сугробамъ, разспрашивать, смазывать, записывать... Наконецъ, слава Богу, все кончено.

— Никого больше нѣтъ?

— Никого.

— А вотъ въ Дунькинѣ, говорятъ, тоже хворають?

— Тамъ было. Трое померли, а теперь не слыхать.

На площади староста спрыгнулъ съ саней и пожелалъ добраго пути, а мы выѣхали-было на Козихинскую дорогу, какъ снова сзади крики. Къ намъ бѣжалъ высокій мужикъ, въ „знакѣ", съ бадикомъ. Оказался десятскій... у Власовыхъ малому глотку схватило, да баба жалуется. Надо выходить... Я сдѣлала десятскому строжайшее внушеніе завтра къ моему пріѣзду обойти всѣ дворы и собрать свѣдѣнія о больныхъ, чтобы обходить ихъ по порядку и не терять времени даромъ. Десятскій тащилъ почтительно мой ящикъ и твердилъ: „слушаю-съ"!..

Уже темнѣло, когда мы съ Амелькой возвращались назадъ. Амелька во время моихъ скитаній по дворамъ благоразумно успѣлъ выспаться въ саняхъ и теперь былъ въ духѣ. Онъ весело посвистывалъ и покрикивалъ на лошадей; что касается меня, то я была совершенно разбита и физически, и нравственно. Отъ усталости, отъ голода, отъ духоты избъ и тяжелыхъ впечатлѣній всего видѣннаго и слышаннаго въ головѣ у меня кружилось, во рту было сухо и горько. Я съ наслажденіемъ вдыхала въ себя свѣжій воздухъ полей и отдавалась чувству покоя, убаюкиваемая мягкимъ покачиваньемъ саней. Метель утихла, небо прояснилось; на западѣ чуть-чуть золотилась узенькая полоска зари, кое-гдѣ вздрагивали голубыя звѣздочки. Вѣтеръ еще не угомонился и вздымалъ надъ снѣгами легкіе вихри; они перепархивали съ сугроба на сугробъ, танцуя и гоняясь другъ за другомъ. И мнѣ вспоминался глухой Шипулинскій переулокъ, мерещились придавленныя сугробами убогія избы, въ ушахъ все еще раздавались крики дѣтей, голоса бабъ, проклятія жены Адріана Шипулина. Пестрый калейдоскопъ лицъ проносился передъ глазами... виляющіе глаза старосты... старушка съ комочкомъ... безобразная толстуха съ своей прелестной улыбкой... дѣвочка „Гришка"... старикъ Филиппъ Шипулинъ съ недовѣрчивымъ взглядомъ прищуренныхъ глазъ... „Ужъ больно мы напуганы, больно напуганы"... И я явственно представляла себѣ всю эту убогую жизнь подъ снѣгами, безпросвѣтный деревенскій мракъ, вѣчную борьбу съ нуждой и болѣзнями, завываніе вѣтра, бѣлые призраки, кружащіеся въ воздухѣ, безпомощные стоны умирающихъ отъ страшной заразы дѣтей,— все, все унылое существованіе деревенскаго люда, въ грязи, въ темнотѣ, въ вѣчномъ страхѣ передъ невѣдомыми ужасами... И въ полудремотѣ мнѣ вдругъ почудилось, что я—не я, а именно этотъ темный, напуганный деревенскій чело-

вѣкъ... Воетъ метель, призраки ростутъ и надвигаются на меня... гдѣ-то далеко звенитъ колокольчикъ. Все ближе, ближе... сердце сжимается отъ страха. „Кто это? Что это? Господи, пронеси бѣду!“...—„Шерсть-то, шерсть-то отдайте!“—прокричалъ кто-то надъ самымъ ухомъ, и я очнулась. Слава Богу, все по прежнему. Это звенитъ мой колокольчикъ; Амелька везетъ меня домой, гдѣ свѣтло, тепло и кипитъ на столѣ самоваръ... А шерсть надо отдать... А еще что? Да, известка... Конфетъ тоже не забыть бы купить. И какіе мы, культурные люди, все-таки подлые эгоисты!.. Даже во снѣ намъ страшно очутиться въ положеніи деревенскаго человѣка, и мы спѣшимъ проснуться. Намъ жаль разстаться съ своими привычками, съ своимъ самоварчикомъ, съ своей ежедневной газетой и культурными разговорами. А тамъ?..

Но тутъ качка снова убаюкала меня, и я забылась. И снилось мнѣ мое далекое дѣтство, когда я сама жила въ такой же занесенной снѣгомъ избѣ, вокругъ выли метели, слышались испуганные голоса, разсказывающіе о разбойникахъ, о таинственныхъ небесныхъ знаменіяхъ, о привидѣніяхъ и моровой язвѣ, о дорогой мукѣ „рубь-десять пудъ“! А мы, ребятишки, дрожа, сидѣли на печи и съ ужасомъ прислушивались къ этимъ разсказамъ...

— Вылѣзайте, пріѣхали!

Докторъ встрѣтилъ меня на порогѣ съ какой-то бумагой въ рукахъ. Я раскутывалась и второпяхъ сообщала о своихъ впечатлѣніяхъ. При извѣстіи о новыхъ заболѣваніяхъ докторъ пріунылъ.

— Печально, печально... А вотъ я сейчасъ тоже получилъ,— не угодно ли полюбоваться?

Онъ подалъ мнѣ сѣрую бумажку, которую держалъ въ рукахъ. Я прочла:

„Господину доктору Мухояровскаго медицинскаго участка отъ Кривинскаго старосты. Предписываю вамъ, что въ деревняхъ нашей волости, Катериновкѣ и Солнцевкѣ, Петровское тожъ, на дѣтяхъ появилась зараза—жаръ, боль отъ головы и распухаетъ глотка, отчего даже помираютъ. И прошу васъ, господинъ докторъ, не замедлить пріѣздомъ, въ чемъ и подписуюсь Кривинской староста, Иванъ Чайниковъ“. Внизу подписи была приложена грубая печать.

— Вотъ вамъ и „предписаніе“! — сказалъ докторъ. — Вы завтра куда поѣдете?

— Поѣду опять въ Яругино. Надо и больныхъ провѣдать, и известку отвезти. Слѣдуетъ произвести дезинфекцію у Бурдачевыхъ, у Борискиныхъ и у Адріана Шипулина.

— Жаль! А я было хотѣлъ васъ просить съѣздить въ Катериновку и Солнцево, — что̀ тамъ такое? Мнѣ самому завтра нельзя; въ участокъ надо ѣхать. Вотъ получилъ съ Z пункта извѣстіе,—жена фельдшера пишетъ, что мужъ сыпнымъ тифомъ заболѣлъ. Просто не знаю, что̀ и дѣлать!

— А это не по дорогѣ въ Яругино?

— О, нѣтъ, совсѣмъ въ другую сторону! На самой окраинѣ уѣзда.

Мы пошли смотрѣть на картѣ, гдѣ находится Солнцевка и Катериновка. Дѣйствительно, почти на границѣ X. уѣзда съ О., Т. и К. губерніями, за линіей желѣзной дороги, мы нашли двѣ черныя точки рядомъ, которыя значились по картѣ Солнцевкой и Катериновкой.

— Видите куда? Прямо изъ Мухоярова надо ѣхать, не перемѣняя лошадей, или изъ Козихи, но въ другую сторону. Однако, пойдемте чай пить. Небось, вы озябли, устали и не ѣли ничего цѣлый день.

Но мнѣ уже было не до чаю и ѣды. Въ теплѣ меня разморило, и я еле-еле выпила стаканъ чаю и съѣла тарелку чего-то горячаго. Глаза слипались, въ ушахъ шумѣло и невыносимо хотѣлось спать. Я даже не дослушала разсказъ доктора о какомъ-то новомъ сообщеніи во „Врачѣ“ и попросилась въ свою комнату. И какъ только легла въ постель, такъ и заснула мертвымъ сномъ.

VI.

Когда я встала, доктора уже не было,—онъ еще въ пять часовъ уѣхалъ съ женой на пунктъ. Мнѣ лошадей еще не подавали,—не было восьми часовъ, и, напившись чаю, я пошла въ больницу. Больница была тѣсная, довольно грязная, съ некрашеными полами, съ плохой вентиляціей; по корридору бродило нѣсколько больныхъ, изнывая отъ скуки. Больные были все больше хроники: старикъ, страдающій водянкой, двѣ-три бабы-сифилитички въ третичномъ періодѣ, ревматикъ, чахоточный и только одинъ мальчикъ съ переломомъ ноги.

Старичокъ-фельдшеръ, возившійся въ аптекѣ съ какими-то микстурами, вышелъ ко мнѣ и сообщилъ, что „Семенъ“ (чахоточный больной) желаетъ меня зачѣмъ-то видѣть. Я пошла къ нему. Онъ лежалъ одинъ въ маленькой комнаткѣ, называвшейся почему-то „перевязочной“. Это былъ мужикъ лѣтъ 35-40, страшно исхудавшій, съ густыми черными волосами и бородой, съ ли-

цомъ цыганскаго типа и орлинымъ, заострившимся отъ болѣзни, носомъ.

Онъ устремилъ на меня огромные тусклые глаза и прерывающимся отъ удушья голосомъ прошепталъ: „доктора-то нѣту“?

— Онъ уѣхалъ. Да ты скажи, чего тебѣ нужно, я сдѣлаю.

Больной сдѣлалъ попытку подняться, но отъ усилій только закашлялся, упалъ снова на подушку и прошепталъ: „хлѣбца бы мнѣ... бѣленькаго“...

— Хорошо, тебѣ дадутъ хлѣбца. Давно лежишь-то здѣсь?

— Давно... да вотъ... все нѣту мнѣ поправки... Скучно лежать-то одному...

— У тебя никого нѣтъ родныхъ?

— Какъ нѣту? Есть... жена да дѣвочка...

— Гдѣ же онѣ? Дома живутъ?

— Нѣтъ... дома-то у насъ нѣту... Въ людяхъ живутъ... побираются...

— Значитъ, земли-то у васъ тоже нѣтъ?

— Какая земля?..—прохрипѣлъ Семенъ, оживляясь.—Кабы земля-то была, нешто побирались бы... А то вотъ нѣту ея... по чужимъ людямъ жилъ, работалъ... да вотъ привязалась болѣсть, силы-то не стало... тоже побираться пошелъ... Ходилъ... перебивались кое-какъ... теперича не могу, свалился совсѣмъ. Скучно!.. Здѣсь-то хоша... и ничего... дай Богъ здоровья доктору... и пища, и все... да кабы домъ-то свой—лучше бы дома-то... съ своими...

Онъ замолчалъ, судорожно перебирая исхудавшими руками одѣяло...

Я вышла. Лошади уже стояли у крыльца, и Дмитрій нагружалъ сани мѣшками съ известкой и бутылями съ сулемой. Пора было ѣхать.

По пріѣздѣ въ Яругино, я, не заѣзжая къ старостѣ, велѣла Амелькѣ прямо везти меня къ Шипулинымъ. У Филиппа Шипулина меня встрѣтили дружелюбнѣе, чѣмъ вчера. Дѣвочка „Гришка“ сама соскочила съ печки и еще за три шага отъ меня разинула ротъ, за что и получила немедленно обѣщанную конфетку. Варварѣ было лучше и голова болѣла меньше, но Александрина дѣвочка была совсѣмъ плоха. По прежнему она лежала въ забытьѣ на рукахъ у матери, и у нея появились уже признаки паралича глоточныхъ мышцъ. Что дѣлалось у нея въ горлѣ—страшно было смотрѣть; мать плакала, и даже у меня, привычной ко всякаго рода зрѣлищамъ, дрожали руки, когда я смазывала ей горло. Вдобавокъ, во время смазыванья съ нею сдѣлалась рвота; зловонная сѣрая масса хлынула мнѣ на руки и на

лицо... Это произвело на всѣхъ присутствующихъ тяжелое впечатлѣніе, и старикъ, безнадежно махнувъ рукой, сказалъ:

— Что ужъ тамъ лечить!.. Положила бы тоже подъ образа, да свѣчки зажгла...

— Да замолчи ты, замолчи, ради Христа!—истерически закричала Александра и, схвативъ дѣвочку на руки, съ рыданьями бросилась изъ избы.

Отъ нихъ я пошла къ Адріану Шипулину. На этотъ разъ я застала въ избѣ самого хозяина. Онъ сидѣлъ на лавкѣ у стола и даже не пошевелился при моемъ входѣ. Голова его была свѣшена на грудь и кудрявые волосы закрывали лицо; во всей позѣ сказывалась глубокая скорбь. На другомъ концѣ стола сидѣлъ старикъ съ длинною сѣдою бородой, пожелтѣвшей на концѣ, съ рѣдкими вьющимися волосами, окружавшими его голову въ видѣ сіянія. Одной рукой онъ качалъ люльку, а другою выщипывалъ изъ лежавшей на столѣ краюхи хлѣба мякишъ и ѣлъ его, запивая квасомъ изъ кружки. Сердитая баба въ черной кофтѣ, пригорюнившись, сидѣла у печки. Всѣ молчали.

— Здравствуйте,—сказала я.

Глаза хозяйки сверкнули, лицо сдѣлалось злымъ, и она сразу вся какъ-то подобралась и насторожилась, очевидно приготовляясь дать мнѣ отпоръ. Старикъ молча уставился на меня, продолжая жевать, и только хозяинъ встряхнулъ волосами, мелькомъ бросилъ взглядъ въ мою сторону и, проговоривъ равнодушно: „здравствуйте!"—принялъ прежнюю позу.

— Ну вотъ, я вамъ известки привезла,—сказала я, чувствуя неловкость при зловѣщемъ молчаніи хозяевъ.

Никто не отвѣчалъ.

— Вы ужъ ссыпьте ее куда-нибудь, да побѣлите поскорѣе!—продолжала я, а у самой въ головѣ копошилась мысль: „И чего я въ самомъ дѣлѣ съ известкой къ нимъ лѣзу? Все равно ужъ теперь не поможешь"...

Словно въ отвѣтъ на эту мысль, хозяйка вскочила, какъ ужаленная, и закричала:

— Вотъ, опять съ известкой пристаютъ!—Сказала, не буду бѣлить,—и не буду! Бѣлите сами, коли охота! Съ пустяковиной ѣздятъ каждый день, нѣтъ на васъ пропасти, а какъ помирали, небось ни одного чорта не было...

— Молчи, баба!.. перебилъ ее мужикъ угрюмо.—Крикомъ не поможешь, изъ могилы не подымешь... А избу мы побѣлимъ!—обратился онъ ко мнѣ сухо и снова замолчалъ, понурившись.

— Да, да, побѣлите пожалуйста! И полы чтобы вымыть, выскоблить, и тряпье, которое подъ больными было, сжечь...

Старикъ, который все время, насмѣшливо прищурившись, смотрѣлъ на меня,—вдругъ усмѣхнулся и прошамкалъ:

— Это къ чему же еще известка-то?

Я объяснила ему. Старикъ еще насмѣшливѣе взглянулъ на меня и покачалъ головой.

— Ишь ты вѣдь! Значитъ, больше Бога хотите быть! Божье попущеніе, Божья воля; захотѣлъ Господь наказать за грѣхи, болѣзнь наслалъ, а они, вишь, известкой хотятъ Богу наподперечь сдѣлать. О, Господи!..

— Это, дѣдушка, неизвѣстно, наказываетъ Богъ или нѣтъ!— возразила я ему.—Мы Божьихъ дѣлъ не знаемъ и не можемъ знать, а вотъ что всякая болѣзнь заводится отъ голода, отъ холода, отъ грязи да отъ тяжкой работы,—это намъ извѣстно!

— Такъ, такъ!—иронически поддакнулъ старикъ.—Это ты вѣрно говоришь... А вотъ ты скажи, — вотъ младенецъ-то въ люлькѣ лежитъ,—отчего онъ живъ остался, а прочіе всѣ померли? Это какъ по твоему? Нѣтъ, выше Бога-то, знать, не будешь... Кому, значитъ, нужно помереть, тѣ и померли, а коимъ не нужно,— тѣ остались, а вѣдь тутъ же были, въ одномъ мѣстѣ...

Видя, что нашъ разговоръ со старикомъ грозитъ перейти въ цѣлый диспутъ, я оставила его философствованія безъ возраженія и обратилась къ хозяину.

— Такъ вы скажите мнѣ, когда бѣлить будете,—я тогда пріѣду...

— Побѣлимъ, побѣлимъ!..—сказалъ мужикъ, и на лицѣ его вдругъ выразилась отчаянная тоска.—Намъ что̀,—намъ трудно, что-ль, побѣлить... Да вотъ, видишь, охоты ни къ чему нѣту, руки-ноги отваливаются... Дай ты намъ вздохъ!..—почти простоналъ онъ и, отвернувшись, замолчалъ.

Эти слова подѣйствовали на меня гораздо сильнѣе, чѣмъ вопли и ругань бабы. Я не стала больше ничего говорить и вышла изъ избы. Тяжелое чувство овладѣло мною... Всѣ мои разговоры, ѣзда, известка, лекарства, суетня—все это показалось мнѣ безсмысленнымъ и ненужнымъ.

На улицѣ я встрѣтилась лицомъ къ лицу съ симпатичною толстухой. Она куда-то неслась, но, увидѣвъ меня, остановилась.

— Еще не уѣхала?—запыхавшись, сказала она.—То-то... а я-то бѣжала...

— Ну, что̀ они тамъ? Ругается, что-ль, сама-то?

— Да, ругается. Я известку имъ привезла; вотъ не знаю, куда имъ ссыпать.

— Давай сюда... Гдѣ она? Я сейчасъ ссыплю.

Толстуха живо нашла какую-то пустую кадку въ сѣняхъ, приволокла изъ саней мѣшокъ, ссыпала известку и съ сіяющей улыбкой, довольная, посмотрѣла на меня.

— Ну вотъ! А завтра приду и побѣлю имъ... Чего на нихъ смотрѣть-то? Я ужъ двоихъ ребятъ къ себѣ перетащила... Ты зайди ко мнѣ, посмотри на нихъ... я здѣсь недалечко...

Говоря это, она тащила меня черезъ сугробы къ какой-то мазанкѣ, совершенно утонувшей въ снѣгу, — только труба торчала... Низко нагнувъ головы мы пролѣзли въ какую-то щель, толстуха толкнула крошечную дверку, и я очутилась въ темной хаткѣ, напоминавшей сказочную избушку на курьихъ ножкахъ. Присмотрѣвшись хорошенько и нѣсколько привыкнувъ къ полумраку, я увидѣла за столомъ двухъ дѣвочекъ, въ одной изъ которыхъ узнала несчастную малютку, пораженную экземой. Но теперь она была одѣта въ чистую рубашонку и головка ея была подвязана тряпочкой, сквозь которую просачивалась мазь. Толстуха очевидно принялась лечить серьезно и не жалѣла мази...

— Ну, вотъ онѣ!—весело сказала она, указывая на дѣтей.— Ишь сидятъ, чисто воробьи! И ни чуточки не кричатъ, а ужъ какъ твое мазиво прилюбилось—бѣда! Вчерась я ее взяла, вымыла-вымыла въ корытѣ, да какъ вымазала мазивомъ, — она у меня цѣльную ночь спала, и не пикнула, и не дралась совсѣмъ,— знать, мазиво-то унимаетъ зудъ! Ну, а ныньче проснулась, дала я ей пышки, а она на голову указываетъ,—дескать, мазать надоть! Вотъ вѣдь дотошная какая!—въ восхищеніи прибавила толстуха.

Простившись съ нею, я отправилась дальше; безъ старосты у меня дѣло шло какъ-то ладнѣе, и хотя мнѣ не приходилось прибѣгать ни къ окрикамъ, ни къ угрозамъ, вездѣ меня встрѣчали довѣрчиво и сами зазывали въ избу посмотрѣть больныхъ. Вымазавъ кому слѣдуетъ глотки, отпустивъ лекарства и записавъ вновь заболѣвшихъ, я поѣхала къ старостѣ.

Здѣсь меня ждала уже цѣлая толпа. Угрюмый Бурдачевъ требовалъ возвращенія шерсти; старушка Платонова звала къ себѣ,—Анютка была плоха, и ее соборовали; десятскій сообщилъ, что у кабатчицы заболѣла дочка. Потомъ нужно было сдать на храненіе старостѣ мѣшки съ известью и сдѣлать распоряженіе насчетъ дезинфекціи у Бурдачевыхъ и у Борискиныхъ.

— А у Шипулиныхъ вы были?—спросилъ староста. Я ныньче

туда ходилъ, такъ она, было, меня съѣла. Эдакая язва—баба! Всегда змѣища была, а теперича и совсѣмъ осатанѣла. За то Богъ-то и наказалъ!

— А мужикъ-то у нея, кажется, хорошій!—сказала я.

— Мужикъ-то хорошій, она—язва, вотъ причина! Эдакая баба, со всѣми лается, а коли не съ кѣмъ, такъ она платокъ повѣситъ, съ платкомъ будетъ ругаться! Вотъ она какая вѣдьма!

Мы поѣхали къ кабатчицѣ. Страшный гвалтъ, смѣшанный гулъ пьяныхъ голосовъ, запахъ водки, соленой рыбы, полушубковъ и пота—все это ошеломило меня при входѣ въ кабакъ. Кабатчица, толстая, красная, что называется „сырая" женщина, встрѣтила меня съ растерянным лицомъ и съ бутылкой въ рукахъ, изъ которой она очевидно только сейчасъ разливала водку по шкаликамъ, выстроеннымъ въ рядъ на прилавкѣ.

— Ахъ, батюшки мои, докторица пріѣхала! — засуетилась она.—Господа поштенные, ужъ повремените пожалуйста, я сейчасъ...

Шумъ затихъ; пьяныя красныя лица съ любопытствомъ уставились на меня.

— Ладно, ладно!—послышались голоса. А одинъ рыжебородый, сильно выпившій мужикъ счелъ своимъ долгомъ отрекомендоваться и привѣтствовать меня.

— Я Лоривонъ Дутыхъ! Въ случаѣ чего, не оставьте, сударыня! Теперича, значитъ, вы у насъ докторица-то? И чудесно! Доктора-то смѣнили?

Кабатчица ввела меня за перегородку, гдѣ на огромной кровати, занимавшей три четверти помѣщенія, разметавшись, лежала прехорошенькая дѣвочка лѣтъ десяти и тяжко дышала.

— Варя, встань, покажи барышнѣ глоточку!—окликнула ее мать.

Дѣвочка съ трудомъ поднялась и покорно открыла ротъ... Желтовато-сѣрые налеты, темно-красная, бархатистая припухлость слизистой оболочки, пульсъ сто, апатія и состояніе оглушенія... Я молча стала приготовлять пульверизаторъ и кисточку.

— Дифтерикъ?—съ испугомъ спросила кабатчица.

— Да.

Она грузно опустилась на сундукъ и заплакала.—Тутъ я замѣтила, что отъ нея сильно попахивало водкой.

— Родимые мои, что же теперь я буду дѣлать!—жалко-то какъ... что за дѣвочка была, умница, въ школѣ первая ученица... И гдѣ это она, ее, проклятую, схватила?

— Да у васъ очень легко заразиться! Смотрите, сколько на-

роду бываетъ; кто-нибудь и занесъ. Вамъ бы прикрыть кабакъ надо.

— Прикрыть? А кормиться-то чѣмъ?.. Нѣтъ, это она отъ Любки Платоновой заразилась! Пріятельницы были, вотъ моя-то все къ ней и бѣгала, все бѣгала, а когда Любку хоронили, она и въ церковь бѣгала, прощалась съ ней...

— Зачѣмъ же вы ее пускали? Не надо было пускать.

— Господи, кто же зналъ? Говорятъ, — зараза, а кто ее знаетъ, какая она зараза... Кабы я знала, что дифтерикъ, привязала бы ее...

Когда я уходила изъ кабака, тамъ уже опять послышался шумъ и, наконецъ, грянула нескладная пѣсня. И долго еще вслѣдъ мнѣ неслись отголоски этой пѣсни, а я ѣхала и думала о больной дѣвочкѣ, и о пьяныхъ слезахъ ея матери, и о томъ, что, несмотря ни на что, все-таки „надо кормиться"...

Я застала доктора уже дома; онъ былъ въ мрачномъ настроеніи.

— Ну, что тамъ у васъ? Скверно? И у меня скверно... Пріѣзжаемъ — фельдшеръ лежитъ въ бреду, никого не узнаетъ, мечется... Жена плачетъ и прикладываетъ ему компрессы, дѣти ревутъ. А въ другой комнатѣ толпа народа,—кто лекарства проситъ, кто звать къ больнымъ пришелъ. Я вамъ скажу, просто хоть караулъ кричи!.. Вотъ и мы съ вами тоже скоро, должно быть, свалимся. Меня и то что-то знобитъ, ломаетъ всего...

— Ну, ужъ захворай только, Коля, ужъ только захворай!— вмѣшалась докторша.—Сейчасъ же поѣду въ земскую управу и всѣхъ тамъ разругаю...

— Очень глупо будетъ! За что ругать-то? Кто виноватъ?

VII.

На слѣдующій день мы съ Амелькой ѣхали изъ Козихи по направленію къ Солнцевкѣ и Катериновкѣ, куда призывало меня „предписаніе" кривинскаго старосты. Дорога шла пустынными полями, изрытыми оврагами; деревень и селъ, ростущихъ какъ грибы, по дорогѣ въ Яругино, здѣсь совсѣмъ не попадалось. Поля, овраги, опять поля, да узенькая, малоѣзженная, ухабистая дорога, по которой даже гуськомъ трудно было ѣхать, и сани наши накренялись то на одинъ бокъ, то на другой. Мнѣ вспомнились безлюдныя степныя пространства моей родины, по которымъ когда-то приходилось мнѣ колесить сперва гимназисткой,

потомъ сельской учительницей. Тишина, просторъ, пѣсни жаворонковъ... молодыя мечты и думы... восторженные порывы, жажда дѣятельности, и потребность жертвы, и стихи Некрасова...

Все рожь кругомъ. Какъ степь живая...
Ни замковъ, ни морей, ни горъ...
Спасибо, сторона родная,
За твой чарующій просторъ!

День былъ праздничный; солнце ярко свѣтило, снѣгъ блестѣлъ и слѣпилъ глаза, полозья весело скрипѣли. Но Амелька былъ не въ духѣ и ворчалъ:

— Ни тебѣ праздника, ни тебѣ будней... Вотъ ужъ служба-то каторжная! Люди гуляютъ, а ты трусись...

— Что̀ ты ворчишь, Емельянъ?

— Да какже! — обиженно отозвался Амелька. — У людей праздникъ, а мы ѣдемъ! Загоняли совсѣмъ! Теперича у насъ въ Козихѣ-то веселье! Бабы пироги напекли; дѣвки на улицѣ гуляютъ, пѣсни поютъ!..

— А ты тоже любишь съ дѣвками пѣсни играть?

— Неужли-жъ нѣтъ? Чай, я женихъ!..

Онъ обернулся ко мнѣ, и его некрасивое, скуластое лицо озарилось самодовольной улыбкой.

— Зачѣмъ же въ батраки шелъ? Жилъ бы себѣ дома, лежалъ на печи, пироги по праздникамъ ѣлъ, съ дѣвками гулялъ...

— Нешто пошелъ бы, кабы не нужда? А то ка̀къ дома-то жить, у чего? Землю давно заложили, да и какая она земля? Одна сажень съ четью на душу. Лошади тоже нѣтъ, коровы нѣтъ, мать въ стряпки пошла, отецъ въ пастухахъ ходитъ... Пироговъ-то не больно разъѣшься, не изъ чего! Ну, что̀ стали! — съ раздраженіемъ прикрикнулъ онъ на лошадей. — Балуй!

Онъ помолчалъ и снова обернулся ко мнѣ.

— А тутъ на станціи чижало — страсть! Разгонъ большой. Ѣздишь — ѣздишь!.. Долго вы будете ѣздить?

— Да вотъ когда люди перестанутъ хворать?

— И когда же это они перестанутъ?

— А ужъ это мнѣ неизвѣстно. Ты терпи, Амелька! Когда-нибудь и на нашей улицѣ будетъ праздникъ!

— Да, когда его дождешься! — сказалъ Амелька, и горько задумался.

Что̀ бродило въ его темной головѣ? Пироги, теплая печь, пѣсни дѣвокъ или своя изба, свое хозяйство, своя воля?..

Въ сторонѣ что-то зачернѣлось, и среди снѣга ослѣпительно заблестѣли рельсы.

— Станція!—сказалъ Амелька.—Надо спросить, куда ѣхать на Солнцевку, а то я здѣсь никогда не ѣздилъ.

Мы пересѣкли линію желѣзной дороги, миновали глухую, безлюдную станцію съ сиротливой водокачкой и въѣхали въ какой-то поселокъ. На углу стояла кучка мужиковъ; Амелька обратился къ нимъ съ разспросами.

— Ѣзжай все прямо!—сказалъ мужикъ, неопредѣленно махнувъ куда-то рукой.

Я всматривалась въ снѣжную гладь, разстилавшуюся передъ нами. Вотъ впереди снова что-то зачернѣлось,—словно кучи навоза, разбросаннаго по снѣгу. Одна кучка вправо, другая — влѣво... Я старалась представить себѣ карту Х. уѣзда, и мнѣ вспомнились эти двѣ черныя точки, затерянныя среди пустынныхъ пространствъ. Должно быть, это онѣ и есть.

— Сюда, что-ль, ѣхать?—съ недоумѣніемъ говорилъ Амелька, приподнимаясь на облучкѣ и озираясь. — И дороги-то путевой нѣту; куда и править, не знаю.

Мы поѣхали наудалую, почти цѣликомъ. Лошади вязли въ сугробахъ, сани ползли бокомъ. А кучки все росли, приближались и, наконецъ, мы уперлись въ какой-то плетень. Изъ-за плетня выскочило двое ребятишекъ съ салазками и удивленно смотрѣли на насъ.

— Эта Солнцевка-то, что-ль?—спросилъ ихъ Амелька.

— Ета...

— Куда къ старостѣ подъѣхать?

Малыши переглянулись.

— А тебѣ его на что?

— Ну, разговаривай еще!—крикнулъ на нихъ Амелька

Мальчики вдругъ проворно перелѣзли черезъ плетень, прицѣпились къ задку саней и закричали: — Вотъ прямо, прямо, черезъ гумно ѣзжай... Сюда, сюда... Вотъ изба-то съ краю... Стой, здѣсь! Эй, Ѳедотъ, иди скорѣй, тебя барыня зоветъ!

На ихъ крики изъ избы вышелъ высокій сутуловатый мужикъ въ рваномъ полушубкѣ, съ желтымъ, худымъ лицомъ, носившимъ слѣды гумознаго сифилиса, и съ испугомъ уставился на насъ.

— Гдѣ у васъ тутъ больные? — спросила я.

Староста молчалъ и растерянно мигалъ красными вѣками безъ рѣсницъ.

— Тутъ, говорятъ, дѣти у васъ хвораютъ. Покажите, куда ѣхать?

Староста продолжалъ молчать. Амелька разсердился.

— Ну, ужъ староста! Глухонѣмой онъ, что-ль, у васъ? Ты

чего-жъ стоишь, какъ пень,—слышишь, про больныхъ тебя спрашиваютъ?

— Больныхъ здѣсь много! — отозвался одинъ изъ мальчиковъ.—Вотъ тутъ въ избѣ никакъ трое лежатъ. И вонъ рядомъ тоже...

— И у Степкиныхъ всѣ ребята лежатъ!—звонко крикнулъ другой мальчикъ.

Я вышла изъ саней. Забитый, запуганный староста, наконецъ, пришелъ въ себя и, понявъ, чего отъ него требуютъ, повелъ меня по избамъ.

Дѣйствительно, чуть не въ каждой избѣ лежало по трое, по четверо больныхъ. Изъ разспросовъ выяснилось, что хворать ребята начали еще до Рождества, что болѣзнь перебрала всѣхъ, и пятеро уже умерли, а остальные кое-какъ „вызволяются". Вновь заболѣвшихъ было немного, и при осмотрѣ ихъ я убѣдилась, что имѣю дѣло не съ дифтеритомъ, а съ скарлатиной. Большинство было уже съ послѣдствіями этой болѣзни: отеки, огромные животы, малокровіе, запущенные адениты, гноящіяся, разъѣденныя язвы.. Болѣзнь, очевидно, прекращалась сама собой, безъ лекарствъ и врачебной помощи. Бѣдность вездѣ была поразительная, и яругинскія сырыя каменныя избы казались дворцами въ сравненіи съ здѣшними глиняными мазанками, топившимися „по черному", съ закоптѣлыми стѣнами, покрытыми слоемъ бархатистой сажи, съ крошечными оконцами надъ землей, съ земляными полами, изрытыми отъ ходьбы... Ни телятъ, ни овецъ съ ягнятами въ избахъ не было, потому что никакой домашней скотины въ Солнцевкѣ не водилось, а на мой вопросъ,—почему раньше не дали знать доктору о заразѣ? — получился одинъ отвѣтъ: „Да лошадей нѣту, не на чемъ съѣздить къ доктору. Давно ужъ и лошадей всѣхъ перевели"... Оставалось только удивляться такой незначительной смертности: или эпидемія была слаба, или ужъ солнцевцы отличались такой необычайной живучестью...

Староста уже оправился отъ своего испуга, и хотя все еще мямлилъ и метался безъ толку, но все-таки отъ него уже можно было добиться чего-то похожаго на членораздѣльную рѣчь. Онъ сообщилъ мнѣ, что въ Катериновкѣ тоже начали хворать дѣти, и что на-дняхъ, кажется, уже хоронили. Его слова подтвердили и другіе. Со всей деревни сбѣжались мужики, бабы, ребятишки и толпой ходили за мной изъ избы въ избу. Очевидно мое появленіе въ этомъ забытомъ уголку было событіемъ, и ящикъ съ лекарствомъ вызвалъ всеобщее любопытство, смѣшанное съ благоговѣніемъ. Всѣ тѣснились поближе къ нему, заглядывали въ его

внутренность, и среди бабъ слышалось какое-то таинственное перешептываніе.

— Иди...

— Нѣтъ, ты иди...

— Попроси! можетъ, дастъ!

— Ой, нѣтъ, боюсь я...

Наконецъ, сквозь толпу, тяжело дыша, протискалась баба съ отекшимъ лицомъ и, робко откашлявшись, тронула меня за рукавъ.

— Мнѣ лекарствица не дашь?—шопотомъ спросила она.

— Какого тебѣ?

— Да вотъ видишь, больна я... Опухъ во мнѣ: и животъ пухнетъ, и руки, и ноги—видишь, какія...

Она подняла юбку и показала мнѣ огромныя, какъ бревна, ноги.

— Давно это у тебя?

— Да ужъ съ годъ время...

— Что же ты въ лечебницу не пріѣзжала, къ доктору?

— Да на чемъ? Лошадки-то нѣту у насъ, ягодка, а пѣшкомъ я развѣ дойду эдакая? Дай лекарствица!

Я объяснила ей, что у меня отъ ея болѣзни нѣтъ лекарства, но обѣщала привезти въ другой разъ и записала ея фамилію.

Ободренная успѣхомъ, толпа еще тѣснѣе сдвинулась вокругъ меня.

— И меня запиши... — прохрипѣлъ худой, какъ скелетъ, согнутый мужикъ, хватая меня за руку и съ мольбой глядя на меня.—Поясница вотъ у меня... и всѣмъ я нездоровъ. Одышка бьетъ... работать не могу...

— И меня запиши! Сыпь какая-то...

— И меня! Дѝсна гніютъ и зубы шатаются!

— А у меня вотъ мальчонку погляди... Пупокъ ростетъ!

— Да у меня вѣдь лекарствъ нѣтъ!—отбивалась я.

— Ничего, ты только посмотри...

И всѣ напирали на меня, глядѣли мнѣ въ лицо умоляющими глазами, просили лекарствъ, вопіяли о своихъ недугахъ, обдавая меня зловоннымъ отъ цынги и сифилиса дыханіемъ. Кажется, ни одного здороваго человѣка не было здѣсь... Это хроническій голодъ показывалъ мнѣ свои язвы, сыпи, сочащіяся кровью десна, одеревенѣвшіе мускулы, гніющія кости... У меня закружилась голова, въ глазахъ потемнѣло... я еле выбралась на улицу и пришла въ себя только когда уже сѣла въ сани. Толпа высыпала за мной; всѣ съ надеждой провожали меня глазами. А я чувствовала свое

полное безсиліе, и всѣ мои лекарства, мои поѣздки казались мнѣ безсмысленными и жалкими игрушками передъ этой все болѣе и болѣе обступающею меня деревенской нищетой...

VIII.

— Ну ужъ дере-евня!—сказалъ Амелька, когда мы выѣхали изъ Солнцевки.—Это ужъ и не знаю что̀ такое за деревня! Сроду и не видалъ!

Онъ видимо тоже былъ пораженъ и до самой Катериновки крутилъ головой и что-то бормоталъ про себя.

Катериновка лежала всего въ полуверстѣ отъ Солнцевки и издали представляла изъ себя такую же безпорядочную груду навоза, какъ и ея печальная сосѣдка. Но вблизи она смотрѣла гораздо веселѣе. Избы здѣсь не были разбросаны зря, безъ всякаго плана, а выстроились другъ противъ друга въ довольно правильную, широкую улицу; среди глиняныхъ мазанокъ съ взъерошенными крышами попадались и большія каменныя избы съ трубами, крылечками и даже палисадниками. На улицѣ кое-гдѣ виднѣлись пестрыя кучки дѣвокъ, парней и мужиковъ въ праздничныхъ одеждахъ; слышались пѣсни; ребятишки съ гамомъ и свистомъ мчались за нашими санями, норовя прицѣпиться. Но я все еще находилась подъ мрачнымъ впечатлѣніемъ Солнцевки, и думалось мнѣ, что всѣ эти дѣвки, ребята, мужики—больные, что подъ праздничными одеждами ихъ скрываются гнойныя раны, а ихъ пѣсни и веселый гамъ ребятишекъ казались неумѣстными и рѣзали ухо.

Мы скоро отыскали старосту, который тоже не былъ похожъ на солнцевскаго. Это былъ высокій, плотный мужикъ съ умнымъ, хотя непріятнымъ лицомъ и размѣренной, обстоятельной рѣчью, сопровождаемой закругленными движеніями. Одѣтъ онъ былъ въ хорошій черный полушубокъ; на шеѣ — лиловый шарфъ; на головѣ—новая шапка. И на дѣлѣ онъ оказался такимъ же обстоятельнымъ и толковымъ, какъ на словахъ; сейчасъ же кликнулъ какого-то паренька, сказавшагося десятскимъ, и послалъ его по деревнѣ разузнавать, гдѣ есть больные, а самъ, стоя передъ санями, принялся докладывать (именно „докладывать“, а не просто разсказывать!) о томъ, какъ началась въ Катериновкѣ болѣзнь. Занесли ее къ нимъ изъ Солнцевки; заболѣли дѣти сначала у него, потому что онъ староста, и ему приходится имѣть дѣло со всякимъ народомъ, а потомъ пошли хворать и другія. Онъ тогда

сейчасъ же далъ знать въ Кривино, и вчера оттуда присылали фельдшера.

— Значитъ, съ вашего двора началось?

— Съ моего.

— И теперь у васъ есть больные?

— Нѣтъ, теперича нѣтъ, слава Богу.

— Выздоровѣли?

— Нѣтъ, померли. Дѣвочка двухъ годковъ, да мальчикъ грудной,—спокойно сказалъ староста.

Прибѣжалъ, запыхавшись, десятскій и сообщилъ, что больныхъ много. У Лабутиныхъ, у Фроловыхъ, у Вяхирева...

— У Вяхирева?—что-то соображая, спросилъ староста.—Ну такъ это вотъ что̀, — мы, значитъ, съ того конца и начнемъ, чтобы по порядку. Ты, Иванъ, бѣги впередъ, показывай дорогу, а я вотъ здѣсь присунусь. Ну, ѣзжай, ямщикъ, вонъ къ большой хатѣ... Сюда, сюда... Да что же ты, миляга, въ сугробъ-то лѣзешь! Ты къ тропочкѣ, къ тропочкѣ заворачивай... во-во... не въ снѣгъ же барышнѣ вылазить!

Мы остановились у большой избы; подъ окнами и въ сѣняхъ толпился народъ, а изнутри доносились какіе-то странные, протяжные звуки. Расторопный староста живо растолкалъ народъ; мы вошли въ избу, и я невольно остановилась на порогѣ.

Изба представляла необычайное зрѣлище. Она была чисто прибрана, на столѣ постлана бѣлая скатерть, у иконъ теплилась свѣчка. Въ красномъ углу, на лавкѣ, лежало что-то, покрытое бѣлымъ коленкоромъ. За столомъ, закрывъ фартукомъ лицо и подпершись рукой, сидѣла баба, раскачивалась изъ стороны въ сторону и въ голосъ причитала. Вся изба была наполнена этими тоскливыми, надрывающими душу звуками, и никто ихъ не прерывалъ—посѣтители молча входили и молча выходили. А въ окна ярко свѣтило низкое солнце и видны были приплюснутые носы любопытныхъ ребятишекъ.

У меня сжалось сердце... Но я пересилила себя и подошла къ бабѣ.

— Здравствуйте...—нерѣшительно сказала я и остановилась.

Баба не отвѣчала, не взглянула на меня и продолжала:

— Родимый ты мой Васинька, голубчикъ ты мой сизокрылый, и зачѣмъ же ты меня спокинулъ...

— А гдѣ же хозяинъ? — обратилась я къ толпѣ.—Мнѣ бы его разспросить надо, больныхъ посмотрѣть...

— Хозяинъ? Нѣтъ его... — послышались голоса.—Онъ ни-

какъ въ Кривино ушелъ, къ попу... Не къ попу,—за гробомъ!.. Аль за гробомъ?..

Я снова обратилась къ хозяйкѣ:

— Гдѣ же у васъ еще больные? Покажите мнѣ ихъ.

Баба не отвѣчала, и тягучія причитанія лились безъ конца, вонзаясь въ самое сердце. Нервы мои не выдержали; я чувствовала, что вотъ-вотъ, еще одна минута—и я закричу сама...

— Эй, слушай-ка, ты!—грубо крикнула я на бабу, стараясь подавить свое волненіе.—Ты что же это не отвѣчаешь? Тебя спрашиваютъ!..

Мой нелѣпый окрикъ подѣйствовалъ на бабу. Она перестала выть и тупо взглянула на меня своими мутными, заплаканными глазами.

— Чего?—точно спросонья спросила она.

Мнѣ стало невыразимо стыдно и больно передъ нею, передъ старостой, передъ всей этой безмолвной толпой, которая стояла тамъ сзади и молча осуждала меня. Лучше бы ужъ уйти... но теперь поздно, надо продолжать свою „миссію",—и я повторила вопросъ.

— Есть больныя... вонъ дѣвчонки...—отвѣчала баба.

— А это мальчикъ? Давно померъ?

— Нонѣ утромъ... Всего три денечка и хворалъ... Ва-асинька, да что же это ты со мной сдѣлалъ!..—закричала она снова и ударилась головой объ столъ.

— Будя тебѣ, Аксинья, ну чего ты!—ласково сказалъ староста.—Что-жъ подѣлаешь, у меня вонъ двое померли!

— Да вѣдь одинъ у ней малый-то былъ...—сказалъ кто-то въ толпѣ.—Ужъ она вѣдь какъ надъ нимъ тряслась,—страсть! Да и малый былъ хорошъ!..

Я подошла къ лавкѣ и приподняла коленкоръ. Маленькій мертвецъ лежалъ смирно, въ новой розовой рубашечкѣ, сложивъ руки на пояскѣ. Блѣдное, хорошенькое личико съ полуоткрытымъ ртомъ было серьезно и спокойно—онъ точно спалъ...

— Знаете что!—обратилась я къ старостѣ.—Ужъ не будемъ ее нынче тревожить. Мнѣ бы вотъ только дѣвочекъ посмотрѣть.

Но дѣвчонки куда-то забились и не показывались. Насилу староста разыскалъ ихъ на полатяхъ. Двухъ я выманила конфектами, но третья такъ и не вылѣзла. Я ужъ не настаивала; очень мнѣ было скверно... И до сихъ поръ еще не могу я забыть этой возмутительной сцены; часто вспоминается мнѣ хорошенькій мертвый мальчикъ подъ коленкоромъ, а надъ нимъ ры-

дающая мать, и ея мутные, заплаканные глаза съ нѣмымъ укоромъ смотрятъ на меня...

Мы обошли еще избъ восемь подъ рядъ. Мой ящикъ быстро пустѣлъ; оставалась только одна сушеная мята, которую я уже раздавала просто для очистки совѣсти. Но именно почему-то мята особенно привлекала всеобщее вниманіе, и ее разбирали у меня нарасхватъ.

— Ты ужъ и намъ оставь мятки-то!—говорила какая-нибудь старушка, умильно заглядывая мнѣ въ глаза.

— Да зачѣмъ тебѣ? Ты вѣдь не больна!

— А я ее замѣсто чаю буду пить!—таинственно шептала старушка.—Заварю въ горшечкѣ, да и буду пить... У меня огрызочекъ сахарцу есть.

И она бережно, вся сіяя отъ удовольствія, уносила въ бумажкѣ щепотку мяты.

— Ну, теперь, пожалуй, на тотъ конецъ поѣдемъ, къ Мареевымъ,—сказалъ староста. — Здѣсь, кажись, всѣхъ объѣхали. Нѣтъ... Стой! Петръ Кирсановъ заходилъ давеча,—мальчонка, что-ли, у него захворалъ. Стой здѣсь!

Низенькая, лохматая избенка, до самыхъ оконъ заваленная навозомъ „для тепла". Крыльца нѣтъ; узенькая щель вмѣсто двери, порогъ и темныя, какъ яма, сѣни.

— Постойте, постойте, барышня!—предупреждалъ меня староста, нащупывая впотьмахъ дверь въ избу.—Вы ужъ за меня держитесь... а то кабы того... не упасть съ непривычки. Полъ-то неровный.

Низко нагибая головы, чтобы не стукнуться о притолоку, мы влѣзли въ полутемную лачугу.

— Еще здравствуй, Петруха!—говорилъ кому-то въ полумракѣ староста. — Вотъ докторицу къ тебѣ привелъ, — кто боленъ-то? показывай!

— Да вонъ Андрюшка захворалъ...—отозвался чей-то унылый голосъ.

Я оглядѣлась. Мало-по-малу глаза мои привыкли къ темнотѣ, и я стала различать предметы. Передъ нами стоялъ высокій мужикъ; въ углу у печи, на примостѣ, въ грудахъ тряпья, лежалъ блѣдный, одутловатый мальчикъ лѣтъ восьми. Я подошла къ нему и взяла его за руку. Онъ весь горѣлъ; пульсъ былъ частый и неровный; изъ полуоткрытыхъ запекшихся губъ съ трудомъ вылетало хриплое дыханіе. Большіе голубые глаза покорно глядѣли на меня.

— Что̀ у тебя болитъ, Андрюша?—спросила я, нагибаясь къ нему.

— Глотчкя...—прохрипѣлъ мальчикъ.

— Вчерась еще игралъ, и въ училище ходилъ, а нонѣ вотъ сразу схватило...—сказалъ хозяинъ.—Господи ты Боже мой, и что̀ это за напасть такая?..

Особенно унылый звукъ голоса заставилъ меня пристальнѣе вглядѣться въ хозяина. Это былъ еще совсѣмъ молодой мужикъ, лѣтъ двадцати пяти, не болѣе, но красивое лицо его выражало такую безнадежную тоску, что на него жутко было глядѣть. Взглядъ большихъ голубыхъ глазъ былъ печаленъ, губы сжаты, какъ отъ сильной внутренней боли... Художникъ могъ бы писать съ него олицетвореніе отчаянія.

Ощупывая и осматривая больного мальчика, я наткнулась на что-то теплое, живое, копошившееся въ грудѣ тряпокъ рядомъ съ Андрюшей.

— А это кто у васъ еще тутъ?—спросила я.

— А это другой мальчонка, Ѳедька.

— Тоже боленъ?

— Да у него кровавый поносъ... давно ужъ.

— Что̀ же вы не скажете? Надо его осмотрѣть. У меня лекарства есть.

— Да нѣтъ ужъ... онъ ужъ помираетъ никакъ,—съ ужасающимъ равнодушіемъ отчаянія вымолвилъ мужикъ.

Я стала разбирать тряпки, въ которыхъ былъ завернутъ ребенокъ. Это былъ мальчикъ лѣтъ пяти; онъ лежалъ лицомъ къ стѣнѣ и на мой зовъ не отвѣчалъ. Пульса у него почти уже не было; рѣдкіе, глубокіе вздохи вырывались изъ его груди; широко открытые, такіе же голубые, какъ у отца, глазенки, ничего не видя, глядѣли въ стѣну и начинали уже тускнѣть... У него была агонія.

— Послушайте... — сказала я въ волненіи. — Онъ дѣйствительно умираетъ... вы бы его положили куда-нибудь на другое мѣсто...

— Ну, что-жъ...—апатично проговорилъ хозяинъ.

Въ избу вошла толстая, приземистая баба лѣтъ тридцати, страшно грязная и некрасивая. Увидѣвъ меня и старосту, она безтолково засуетилась, начала для чего-то стирать со стола, потомъ схватила вѣникъ и принялась мести полъ. Я остановила ее и, указавъ на умирающаго мальчика, попросила положить его въ другое мѣсто. Она тупо глядѣла на меня и, вытирая носъ грязными пальцами, твердила: „ну кштожъ... положимъ!“

Я дала Андрюшѣ конфетку. Вдругъ откуда-то послышался звонкій дѣтскій голосокъ:

— И минѣ дай!..

— У васъ еще есть дѣти?—спросила я.

— Это мой!—широко улыбаясь и показывая бѣлые, большіе зубы, сказала баба.

— А эти развѣ не ваши?

— Нѣ... это у него отъ первой жены. Мачиха я имъ. Петюнь!.. Подь сюды, барыня и тебѣ гостинчика дастъ!

На печи кто-то зашевелился и съ приступочки бойко соскочилъ мальчикъ лѣтъ трехъ. Улыбаясь и немножко косясь, онъ бочкомъ подбѣжалъ ко мнѣ и протянулъ ручонку. Я погладила его по кудрявой головкѣ и дала ему конфетку; онъ, какъ звѣрокъ, выхватилъ ее у меня изъ рукъ и проворно бросился опять на печь.

— Мамушка, она сла-адкая!..—послышался оттуда его пѣвучій голосокъ.

— Вотъ неудача этому Петрухѣ!—разсказывалъ староста, когда мы ѣхали по деревнѣ.—Петля́, да и шабашъ. Совсѣмъ въ раззоръ-разорился: корова пала, лошадь еще въ голодный годъ продали, а тутъ жена померла,—на вдовѣ женился, чтобы хоть за дѣтишками-то было кому приглядѣть... Она ничего, баба добрая, а все же не родная мать, да и вокругъ себя неаккуратна. Совсѣмъ малый съ толку сбился. Теперича вотъ ребята захворали... онъ ужъ и то давеча мнѣ говоритъ: „вотъ, говоритъ, перехороню ребятъ, жена пущай одна кормится, а самъ уйду, куда глаза глядятъ“... А мужикъ какой хорошій,—тверёзый, грамотный; никакихъ эдакихъ глупостей у него нѣтъ...

— Должно быть вообще всѣ здѣсь бѣдно живутъ?—спросила я.

— Нѣтъ, ничего, нельзя сказать... Въ голодный годъ, точно, ослабли малость, а то ничего, не очень ужъ... А голодный годъ насъ, точно, здорово обезпечилъ! Что̀ было-то, вы бы поглядѣли! Вотъ у моего отца—восемь лошадей было, а осталось три. А вонъ въ Солнцевкѣ такъ на тридцать дворовъ никакъ одна лошадь!..

— Да, у нихъ тамъ бѣдность страшная.

— Не приведи Богъ! Побираются, ходятъ,—староста помолчалъ и прибавилъ:—Я такъ думаю, разбѣгутся всѣ, да и кончено...

— Куда же разбѣгутся-то?

— Да такъ, кое-куда... У насъ много эдакъ мужиковъ ушло.

Возьмутъ въ волости пачпортъ, да и уйдутъ, и гдѣ они свою жизнь обитаютъ—ничего неизвѣстно... Потому не при чемъ здѣсь жить... А вотъ наша школа!—съ гордостью сказалъ онъ, указывая на красивый домикъ съ палисадникомъ, стоявшій въ сторонѣ отъ другихъ избъ, на пригоркѣ.

— Земская?

— Нѣтъ, помѣщичья. Здѣсь барская усадьба прежде была, ну, барыня сама-то здѣсь не живетъ, отдала подъ училище, дай ей Богъ здоровья, и учительницу на свой счетъ наймаетъ. Ну, топка, сторожъ, это ужъ, извѣстно, общественные... Хорошая школа,—такой и въ Кривинѣ нѣту!

— Много ребятъ учится?

— Да почитай всѣ, и дѣвочки, и мальчики. Со станціи, изъ поселка тоже къ намъ ходятъ. Учатъ хорошо. У меня малый тоже, лѣтъ четырнадцати—охъ, ловокъ учиться! Охочъ! Кабы Богъ силовъ далъ,—въ городъ бы его отдалъ, и учительница тоже совѣтуетъ. Ну, Богъ знаетъ, какъ тамъ будетъ, а ужъ больно старательный малый...—У старосты на лицѣ заиграла улыбка удовольствія.—Какъ теперича книжку увидитъ, такъ и затрясется.

— А гдѣ же вы книжки достаете?

— Да гдѣ? Въ училищѣ беретъ; въ городѣ я ему покупалъ кое-какія. А ему все мало. Какъ соберусь въ городъ ѣхать, онъ ужъ это сейчасъ: „тятенька, купи книжечку, да потолще!..“ Ужъ я, грѣшнымъ дѣломъ, иной разъ заругаюсь на него.

— Зачѣмъ же ругаться? Это дѣло хорошее, что онъ читать любитъ.

— Да я и самъ понимаю, что худого нѣтъ, а все-таки... Ну, какъ зачитается, да отъ дѣла отобьется,—кто его знаетъ... Пожалуйте, вотъ Мареевы!

В. Дмитріева.